

ИВАНЪ ФРАНКО

МОИСЕЙ

**Привіт Ів. Франкови в сороколїте його письмен-
ської праці 1874—1914. Львів, 1916. Ціна 10 К.**

I. Літерат. частина (ст. 1—183): Ів. Рокита (А. Černý), Іван Франкові; В. Короленко, Изъ поѣздки на поелища Дунайской Сѣчи. Отр. „Нирвана“; П. Тодоровъ, Камѣни. Идилія; М. Горькій, Лука Чекинъ; Л. Українка, Тріптіх; В. Винниченко, Хома Прядка; Т. Бордуляк, Ювілят; Л. Мартович, Народна ноша; Л. Журбенко, Кров; К. Галицький, Таємниця Іванової душі; Юр. Кміт, Чорні птахи. Виринок; Ул. Кравченко, Спогад; Хв. Вовк, Дещо й з моїх австро-руських споминок; В. Охримович, Моя пригода з шибеницею (спомин); Б. Ярошевський, Невикористаний скарб (спомин); С. Боремов, На святі Котляревського (згадки самовидця); Ю. Жаткович, Малярські переклади творів Івана Франка; Ів. Труш, Порфирій Мартинович (ескіз до портрета).

II. Наукова частина (ст. 1—390): Хв. Корж, Дещо про вийстя вкраїнської народности; В. Гребеняк, Слїди скитської культури в Галичині; В. Ягіч, Двѣ три замѣтки з области древнѣйшаго церковно-славянскаго перевода; Ол. Шахматов, Несторъ Лѣтописецъ; Б. Барвінський, Гомер у галицькій літописи; Ів. Крип'якевич, Козаччина в політичних комбінаціях 1620—1630 рр.; Ст. Томашівський, Один момент під Зборовом 1649 р. Критичний нарис; Ів. Кревецький, „Під протекцію курфюрста“. До історії політики П. Дорошенка; В. Щурат, „Христос пасхон“. Львівські віршовані діяльоти з 1630 р.; Г. Стрипський, З старшої письменности Угорської Русі; Ол. Брікнер, Ерорежа bazylińska. Nieznany okaz literatury rusko-polskiej; Ф. Срібний, Два епізоди з історії боротьби Гедеона Балабана з львівським брацтвом; А. л. Бнзен, Kotlarewskyj's Travestierte Aeneide; В. Гнатюк, Запропашена збірка угро-руських казок; Ів. Бодуен de Courtenay, Z sennyh widziadeł ludzkości; М. Возняк, Український протипапський памфлет XVI в. „Історія о одномъ папѣ римскомъ“; Т. Ревакович, З переписки письменників 1860-их років у Галичині; Яр. Гординський, Кандидатура Федьковича на посла; Л. Свенціцкий, Основи відродження білоруського письменства; Юр. Полівка, Povídky lidové o zkrocení zlé ženy; З. Кузеля, Ярмарки на дівчата. Причинок до української етнології; Ів. Зілинський, Проба упорядкування українських творів; Ев. Тимченко, Вокатив в українській мові.

Збірник прикрашує портрет Івана Франка—мал. І. Труша, а також ініціали й орнамент з Біблії Скорини XVII в. та стра-тинського Євангелія XVII в.

Дохід призначений на ушанування пам'яті Франка.

Дістати можна і на складі видавництва:

P. Djatlow, Wien VIII., Josefstädterstr. 79, 14.

БИБЛІОТЕКА ПЛЪННИКА.

ОБРАЗЦЫ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

..... Серія I. ... № 1.

~~ПРИВАТНА БІБЛІОТЕКА~~

ОСИПА І АНАСТАЗІЇ КОЧАН

ЗДА

ИВАНЪ ФРАНКО.

МОИСЕЙ

ПОЭМА

съ предисловіемъ автора.

**Просмотрѣнный авторомъ переводъ
со второго украинскаго изданія**

П. Дятлова.

ИЗДАНИЕ П. ДЯТЛОВА.

ВѢНА, 1917.

Типографія Ад. Гольцгаузена.

Лану Німчукова
Петро Дмитів.
Рідень, 24-5-17.

LIB
UNIVEI
AT URE

ELI
C
UKR

ПАМ'ЯТИ АВТОРА

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Іван Франко

15-8-1856 — 28-5-1916.

LI
UNIV
AT UR
EI
UR

891.79
F85
OmRd

Иванъ Франко является наиболее выдающимся украинскимъ писателемъ послѣ Тараса Шевченка. У обоихъ много общаго. И Франко родился въ крестьянской семьѣ, рано осиротѣлъ, натерпѣлся въ школѣ, бѣдствовалъ чуть ли не до голодной смерти въ юности, насидѣлся въ тюрьмѣ за мнимыя преступленія, но благодаря неустанному труду добился высшаго образованія. Еще студентомъ онъ принималъ участіе въ національныхъ культурныхъ организаціяхъ, склоняясь сперва къ русофильству. Но близость къ народу и вліяніе профессора Драгоманова приводятъ Франка въ ряды національно-сознательной украинской интеллигенціи. Жизнь не позволяетъ ему всецѣло отдаться любимой имъ наукѣ, и онъ много времени посвящаетъ общественной и политической дѣятельности, выступая сначала социалистомъ и работая и въ польской социалистической организаціи. Отношеніе его польскихъ товарищей къ украинскому вопросу и потребность украинскаго народа въ культурныхъ работахъ заставляютъ Франка вполне отдаться лишь своему народу. А такъ какъ украинскій народъ на родинѣ Франка въ Галиціи состоялъ преимущественно изъ крестьянъ, то Франко съ Павликомъ и другими своими товарищами основываютъ крестьянскую радикальную партію. Постепенное нарожденіе городского мѣщанства и интеллигенціи и желаніе Франка объединить всѣ силы украинскаго народа для культурной работы и обороны противъ національныхъ противниковъ побуждаютъ его позже принять участіе и въ организаціи украинской демо-

LIB
UNIVE
AT URB

ELI
C
UKR

кратической партіи. Однако вскорѣ затѣмъ онъ уже почти исключительно посвящаетъ себя наукѣ, журналистикѣ и литературѣ. Во всѣхъ этихъ областяхъ онъ оставилъ по себѣ богатое наслѣдство и подобно Шевченко навсегда связалъ свое имя съ исторіей своего народа. Но какъ Шевченко живописецъ-художникъ по специальности былъ прежде всего великимъ мастеромъ слова, такъ и Франко своими переводами и оригинальными художественными произведениями вполне заслуженно занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ родной литературѣ. Особенно хороши его лирическія стихотворенія и поэмы.

Шевченко далъ въ своемъ творествѣ все, что могъ дать поэтъ великаго, но закрѣпощеннаго народа николаевской Россіи. Франко продолжалъ его работу и далъ то, что могъ дать писатель «вольной» части украинскаго народа въ не всегда радостныхъ условіяхъ галиційской дѣйствительности. Оба утвердили единство народа и, значительно опередивъ его развитіе, подготовили приходъ новаго поколѣнія писателей съ ясно выраженными пролетарскими симпатіями и интересами въ литературѣ.

Подобно Шевченко, Франко любитъ свой народъ, но не закрываетъ глазъ на его недостатки. И многое изъ сказаннаго Моисеемъ по адресу еврейскаго народа несомнѣнно говоритъ Франко своему народу. Вообще «Моисей» весьма характеренъ для міровоззрѣнія Франка и, несмотря на эпическій характеръ поэмы, заключаетъ въ себѣ много личнаго изъ переживаній автора. И автора долгое время не признавали и гнали отъ себя не только польскіе и иные фараоны, но и украинскіе Датаны и Авироны. А одинокимъ и не вполне понятнымъ оставался онъ, быть можетъ, и до конца своей жизни. И Франко неразъ въ трудныя минуты народной жизни мучился сомнѣніями Моисея. Судьба украинскаго народа,

подобно участи еврейскаго и другихъ угнетенныхъ народовъ, будить въ немъ печально-меланхолическія мысли, но онъ вѣритъ въ побѣду человѣческаго духа и въ возможность мирнаго сожительства и дружнаго совмѣстнаго творчества всѣхъ народовъ. Моисей становится прообразомъ самого автора, а еврейскій народъ символомъ украинскаго.

Для читателей, значительной части которыхъ теперь изъ всѣхъ книгъ доступна лишь Библія, «Моисей» послужитъ хорошимъ примѣромъ того, что можно изъ нея вычитать. Подчеркиваніемъ же классовой и групповой борьбы внутри народа, о чемъ теперь многіе забываютъ, авторъ поощряетъ и отрезвленію отъ чрезмѣрнаго военнаго увлеченія общенациональнымъ миромъ за всякую цѣну.

«Моисей» написанъ въ 1905 г., когда такъ хотѣлось вѣрить въ успѣхъ русской революціи и въ наступленіе лучшей поры для всѣхъ народовъ Россіи. И сейчасъ демократія всего свѣта радуется побѣдѣ новой русской революціи. Да будетъ же она прочной! И да исполнятся вѣщія слова Франка о занятіи украинскимъ народомъ заслуженнаго мѣста въ кругу свободныхъ народовъ Европы.

Мартъ, 1917.

П. Д.

LIB
UNIVEI
AT URE

ELI
C
UKR

Предисловіе.

Вопросъ о томъ, историческое явленіе Моисей или нѣтъ, не рѣшонъ до сихъ поръ за недостаткомъ дѣйствительно историческихъ свидѣтельствъ, постороннихъ древне-еврейскому преданію. Это преданіе, состоящее главнымъ образомъ изъ пяти книгъ, приписываемыхъ самому Моисею, служить съ конца XVIII столѣтія и до сихъ поръ предметомъ усиленной критической работы, которая не можетъ окончательно рѣшить даже вопроса, существовалъ ли дѣйствительно Моисей или не существовалъ, хотя и рѣшила окончательно, что Моисей не былъ авторомъ такъ называемаго Пятикнижія.

Несмотря на это, Моисей все-таки является самой грандіозной фигурой древней исторіи человѣчества, фигурой, обставленной такимъ множествомъ глубоко правдивыхъ и часто удивительныхъ подробностей, что, если не для историка, то по крайней мѣрѣ для человѣческаго воображенія и для его поэтического воспроизведенія представляетъ неисчерпаемый источникъ темъ и вдохновеній. Моисей, рожденный въ рабствѣ и возвышенный въ юности до пребыванія въ царскомъ дворцѣ; Моисей — убійца и изгнанникъ; Моисей — пастухъ, получающій божіе откровеніе; Моисей вопреки своей волѣ народный вождь, увлекающій свой народъ изъ плодотворной египетской земли въ пустыню и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ рабства на свободу; и въ концѣ концовъ Моисей — непризнанный пророкъ, сорокъ лѣтъ

кочующій со своимъ народомъ въ пустынь и не могущій въ продолженіи этого времени пройти небольшое пространство между Египтомъ и Палестиной, которое даже тогдашніе путешественники проходили втеченіе нѣсколькихъ дней, — вотъ рядъ удивительныхъ сюжетовъ для поэта.

Я воспользовался послѣдней изъ этихъ темъ и попытался въ своей поэмѣ представить Моисея на склонѣ лѣтъ, въ глубокой старости, когда онъ уже близко подошелъ къ обѣтованной странѣ, но тщетно старается склонить свой народъ къ вступленію въ эту страну и въ концѣ концовъ уходитъ отъ него, чтобы хотя самому дойти до границы обѣтованной отчизны. Этотъ краткій, но высоко трагическій моментъ я разработалъ отчасти на основаніи библейскаго преданія, отчасти же на основаніи психологическаго анализа въ 20 пѣсняхъ своей поэмы, представивъ въ нихъ обостреніе натянутыхъ отношеній между пророкомъ и народомъ до полного разрыва и затѣмъ возвышеніе души пророка рядомъ искушеній и откровеній до непосредственнаго общенія и единенія съ наивысшимъ существомъ, Іеговой.

Понятно само собою, что, кромѣ историческаго и психологическаго интереса, поэма имѣетъ и символическое значеніе, а какъ произведение украинца не лишена также и національной окраски, неизбежной всегда, когда международный сюжетъ проходитъ сквозь призму индивидуальнаго темперамента и обогащается при этомъ живыми впечатлѣніями и картинами его личнаго воображенія.

Моя поэма была написана въ первой половинѣ 1905 года и напечатана въ моемъ собственномъ изданіи въ концѣ того же года. Въ началѣ 1913 г. она вышла вторично въ изданіи «Українсько-Руської Видавничої Спілки» съ моимъ предисловіемъ, которое я и привожу здѣсь въ пере-

водѣ на русскій языкъ съ нѣкоторыми сокраще-
ніями и дополненіями.

Такъ какъ моей поэмѣ настолько посчастли-
вилось, что она стала предметомъ чтенія учени-
ковъ и разбора учителей въ нѣкоторыхъ укра-
инскихъ гимназіяхъ, а также предметомъ болѣе
близкаго вниманія кое-кого изъ украинскихъ
литературныхъ критиковъ, — стоитъ отмѣтить
фактъ, что, подымая неразъ вопросъ объ источ-
никахъ поэмы, никто изъ этихъ украинскихъ
интеллигентовъ не обратилъ вниманія на насто-
ящія, указанные и самимъ содержаніемъ ея ис-
точники, но почти каждый искалъ ихъ гдѣ-либо
въ иномъ мѣстѣ, обыкновенно тамъ, откуда я
ничего не заимствовалъ.

Почти вся моя поэма основана на библей-
скихъ темахъ; слѣдовательно, что же могло быть
естественнѣе для всякаго критика, какъ поис-
кать этихъ источниковъ въ Библии и сравнить
ихъ съ тѣмъ, что я сдѣлалъ изъ нихъ? Это какъ
разъ до сихъ поръ не пришло на умъ ни одному
изъ критиковъ моей поэмы. Признакъ, что Биб-
лія лежитъ далеко внѣ круга ихъ духовныхъ
интересовъ.

Основною темою поэмы я избралъ смерть
Моисея, какъ непризнаннаго своимъ народомъ
пророка. Эта тема въ такомъ видѣ не библей-
ская, а моя собственная, хотя и основанная на
библейскомъ разсказѣ. Изъ ветхозавѣтныхъ
книгъ Библии о смерти Моисея повѣствуетъ лишь
одна книга Пятикнижія, по гречески называемая
Девтерономіонъ, а по церковно-славянски —
Второзаконіе. Въ этой книгѣ первоначаль-
ный разсказъ о смерти Моисея разорванъ на двѣ
части: первая находится въ 48—52 стихахъ
XXXII-ой, а другая въ 1—8 стихахъ XXXIV
главы. Вотъ этотъ разсказъ въ переводѣ съ кри-
тического французскаго перевода Эдуарда Рей-

LIBR
UNIVER
AT URB.

ELIA
CO
UKR.

са*). Въ квадратныхъ скобкахъ я привожу свои дополненія къ тексту.

«Въ тотъ же самый день Вѣчный обратился къ Моисею съ такими словами: «Взойди на Аравимскія горы, на гору Небо, что [подымается] надъ краемъ противъ Моава-Іерихона и обращена къ странѣ Ханаанской, которую я даю во владѣніе дѣтямъ Израиля. Ты умрешь на этой горѣ и соединишься со своими [предками] такъ, какъ твой братъ Ааронъ умеръ на горѣ Оръ и соединился со своими за то, что вы были непослушными мнѣ передъ сынами Израиля надъ водами Мерива-Кадеша въ Синайской пустынѣ, за то, что вы не почтили меня среди сыновъ Израиля. Потому-то ты увидишь передъ собою эту страну, но не войдешь въ нее, въ страну, которую я даю сынамъ Израиля».

«Моисей поднялся изъ Моавскихъ равнинъ на гору Небо, на вершину Фазга, что открываетъ видъ на Іерихонъ. И Вѣчный показалъ ему всю страну: Галаадъ до самаго Дана и всю землю Нефелимову, земли Ефремову и Манассиину и всю землю Іудину до самаго западнаго моря, и полуденный край и ровную окрестность [города пальмъ] Іерихона вплоть до Сигора. И сказалъ ему Вѣчный: «Вотъ страна, о которой я клялся Аврааму, Исааку и Іакову, говоря: Даю ее вашему племени. Я показываю ее тебѣ, но ты не войдешь въ нее».

«И слуга Вѣчнаго, Моисей умеръ здѣсь, какъ сказалъ Вѣчный, въ Моавской землѣ, и его похоронили въ долинѣ, въ странѣ Моава недалеко отъ Веѡъ-Фегора, и никто не знаетъ могилы его и по сей день. Моисей прожилъ до своей смерти 120 лѣтъ; его глаза не ослабѣли и сила не оста-

*) Edouard Reuss, *L'histoire sainte et la loi* (Pentateuque et Josue). Tome second. Paris 1879 (La Bible, traduction nouvelle avec introductions et commentaires. Ancien Testament, troisième partie), et 353—4; 361—2.

вила его тѣла. И сыны Израиля тридцать дней оплакивали Моисея въ Моавской равнинѣ и такимъ образомъ полностью совершили надъ нимъ обрядъ оплакиванія умершихъ».

Изъ этого разсказа мы видимъ, что Моисей умеръ въ немилости у израильскаго Бога, который передъ смертью пророка упрекнулъ его въ томъ, что тотъ не почтилъ его должнымъ образомъ предъ сынами Израиля. Въ моей поэмѣ это обстоятельствомъ представлено совершенно иначе: смерть Моисея на вершинѣ горы предъ лицомъ Бога мотивирована тѣмъ, что его оттолкнулъ его собственный народъ, приведенный къ невѣрію его сорокалѣтнимъ руководствомъ и печальнымъ состояніемъ обѣтованной страны, которую надо было тяжелыми усиліями добывать у многочисленныхъ ханаанскихъ племенъ, и которая, кромѣ того, какъ это показали новѣйшія историческія открытія, въ ту эпоху, около 1480-го года до р. Хр., находилась подъ протекторатомъ египетскихъ царей.

Слова библейскаго разсказа о похоронахъ Моисея въ текстѣ оригинала не совсѣмъ ясны, и позднѣйшіе еврейскіе комментаторы дополняютъ ихъ указаніемъ, что Богъ умертвилъ его своими устами, цѣлуя его, а ангелы погребли его тѣло въ неизвѣстномъ мѣстѣ, или — по инымъ преданіямъ — перенесли на небо, гдѣ оно сохраняется цѣлымъ и невредимымъ такъ же, какъ тѣло пророка Іліи. Я въ своей поэмѣ оставилъ моментъ смерти Моисея за поэтической завѣсою.

То, что сказано въ поэмѣ объ Авиронѣ и Датанѣ, какъ главныхъ противникахъ Моисея среди израильскаго народа, основывается на разсказѣ книги Чиселъ (глава XVI), въ которомъ однако позднѣйшая редакція соединила вмѣстѣ два разсказа о событіяхъ разныхъ эпохъ и различнаго характера, а именно о бунтѣ Ле-

LIB
UNIVE
AT URE

ELI
C
UKF

вита Кораха и его сторонниковъ противъ Моисея и Аарона, и о возстаніи Датана и Авирама изъ колѣна Рувимова противъ Моисея. Привожу текстъ этой главы въ переводѣ на нашъ языкъ по Райсу (*Histoire israelite* II, стр. 219—221), подчеркивая части разсказа, относящіяся къ бунту Кораха, обыкновеннымъ же шрифтомъ печатая части, повѣстующія о Датанѣ и Авирамѣ.

«Корахъ, сынъ Исараха, сына Кегатова, сына Левіина взялъ съ собою Датана и Авирама, сыновей Эліава и Она, сына Пелетова, изъ колѣна Рувимова, и они возстали противъ Моисея съ 250 сынами Израиля, главарями общины, видными, призываемыми на совѣтъ людьми. Они собрались противъ Моисея и Аарона и сказали имъ: «Довольно вамъ! Вся община свята и Вѣчный среди нея. Почему же вы возносите себя выше общины Вѣчнаго?» Услыхавъ это Моисей палъ лицомъ къ землѣ и обратился къ Кораху и его толпѣ съ такими словами: «Завтра Вѣчный покажетъ, кто его и кто посвященъ приносить ему жертвы; и, кого онъ изберетъ, того приблизить къ себѣ. Сдѣлайте вотъ что: возьмите кадилаы, ты, Корахъ, и всѣ твои сообщники, и завтра покладите въ нихъ огонь и фиміамъ передъ Вѣчнымъ. Кого изберетъ Вѣчный, тотъ будетъ посвященъ ему. Довольно этого, Левиты!» И, обращаясь къ Кораху, Моисей сказалъ: «Слушайте, Левиты! Развѣ не достаточно вамъ, что Богъ Израиля выдѣлилъ васъ изъ остальной общины и приблизилъ къ себѣ и велѣлъ приносить жертвы въ домъ Вѣчнаго и стоять во главѣ общины для этого служенія? А ты и съ тобою твои братья Левиты, которымъ Богъ позволилъ приближаться къ нему, желаете еще быть и священниками? Значить, ты и всѣ твои товарищи сообща хотите возстать противъ Вѣчнаго? Ибо кто такой Ааронъ, противъ котораго вы сговорились?»

«И Моисей велѣлъ позвать Датана и Авирама, сыновей Эліава, но тѣ сказали: «Не пойдемъ мы! Развѣ мало того, что ты вывелъ насъ изъ текущей молокомъ и медомъ страны, чтобы морить насъ въ пустынѣ? Или ты хочешь еще сдѣлаться господиномъ надъ нами? Ты не только не привелъ насъ въ текущую молокомъ и медомъ страну, не только не далъ намъ отчизны съ полями и виноградниками, но и хочешь еще отнять глаза у всего народа? Не пойдемъ мы [къ тебѣ]!» Моисей сильно разсердился и сказалъ Вѣчному: «Не принимай ихъ жертвъ! Я же не взялъ у нихъ ни одного осла и не причинилъ никому изъ нихъ никакого зла».

«Моисей сказалъ Кораху: «Ты и твои сторонники предстаньте завтра передъ Вѣчнымъ, станетъ также и Ааронъ, и каждый изъ васъ возьметъ кадилаицу и вложитъ въ нее фиміамъ, и покладете свои кадилаицы передъ Вѣчнымъ, вы и Ааронъ, каждый свою, 250 кадилаицъ». И каждый взялъ свою кадилаицу и вложилъ въ нее огонь и фиміамъ, и всѣ стали у входа въ скинію завѣта такъ же, какъ Моисей и Ааронъ. И когда Корахъ собралъ противъ нихъ всю общину ко входу въ скинію, слава Вѣчнаго явилась передъ всей общиной. И Вѣчный обратился къ Моисею и Аарону съ такими словами: «Отдѣлитесь отъ этого сообщества, и я уничтожу его во мгновение ока». И они пали лицомъ къ землѣ и сказали: «О, Боже, творецъ души въ каждомъ тѣлѣ! Неужели ты прогнѣваешься на всю общину, когда согрѣшилъ одинъ человекъ?» Тогда Вѣчный обратился къ Моисею съ такими словами: «Обратись къ общинѣ и скажи ей: «Отступитесь всѣ отъ того мѣста, гдѣ стоитъ Корахъ»*)».

*) Позднѣйшій редакторъ добавляетъ за этимъ словомъ еще совсѣмъ не относящіеся сюда имена Датана и Авирама.

LI
UNIV
AT UR
EI
UK

«И Моисей подошолъ къ Датану и Авираму въ сопровожденіи вождей Израиля. И онъ сказалъ общинѣ слѣдующія слова: «Удалитесь отъ шатровъ этихъ злыхъ людей, и не прикасайтесь ни къ чему, что принадлежитъ имъ, иначе погибнете вмѣстѣ съ ними за ихъ преступленіе». И они отступили отъ жилища Датана и Авирама далеко кругомъ, а Датанъ и Авирамъ стали у входа въ свои палатки со своими женами, дѣтьми и внуками. Тогда сказалъ Моисей: «Вотъ откуда узнаете вы, что Богъ послалъ меня исполнить все это и что это дѣлается не по моей собственной волѣ, — если всѣ они помрутъ такъ, какъ умираютъ всѣ люди, и если ихъ участь будетъ такова, какъ участь всѣхъ смертныхъ, то не Богъ послалъ меня. Но если Вѣчный сотворитъ необычайное чудо, и земля разверзетъ уста свои и поглотитъ ихъ самихъ и все, что принадлежитъ имъ, и они живые войдутъ въ Шеоль [еврейское названіе ада], вы узнаете, что эти люди пренебрегли Вѣчнымъ». И, когда онъ окончилъ эти слова, земля подъ ними разступилась, разверзла свои уста и поглотила ихъ обоихъ и ихъ семьи и всѣхъ ихъ людей и все ихъ добро. И они со всѣмъ, что принадлежало имъ, живые сошли въ Шеоль и земля закрылась надъ ними и они исчезли изъ среды общины. И всѣ Израильтяне вокругъ разбѣжались при ихъ крикахъ, боясь, чтобы земля не поглотила и ихъ. И ниспосланный Вѣчнымъ огонь пожралъ тѣхъ принесшихъ фиміамъ 250 чело-вѣкъ».

Эта глава вмѣщаетъ въ себѣ, какъ видимъ, два разсказа, слѣпленныхъ вмѣстѣ методомъ интеркаляціи и сшитыхъ, такъ сказать, бѣлыми нитками редакціонныхъ добавленій. Цѣль обоихъ разсказовъ укрѣпить верховенство вождей, удостоенныхъ Богомъ. Но, въ то время какъ въ разсказѣ о Датанѣ и Авирамѣ говорится толь-

LIB
UNIVE
AT URE

ELI
C
UKF

ко объ одномъ вождѣ — Моисеѣ, въ разсказѣ о Корахѣ левиты, т. е. каста духовныхъ, бунтуютъ противъ первосвященника Аарона, добиваясь для всѣхъ левитовъ равенства съ сословіемъ жрецовъ. Въ то время, какъ первый разсказъ носить исключительно политическій характеръ и направленъ противъ Моисея, какъ вождя народа, за то, что онъ не исполнилъ своего обѣщанія и не далъ народу земельной собственности, второй разсказъ сложенъ очевидно въ интересахъ храмовыхъ жрецовъ и для устранения левитовъ, чтобы они не добивались равнаго съ жрецами права. Если мы обратимъ вниманіе на историческія отношенія, среди которыхъ могли возникнуть оба эти разсказа, то намъ сразу станетъ яснымъ, что разсказъ о Датанѣ и Авирамѣ долженъ былъ возникнуть во времена племенной независимости еврейскаго племени, когда это племя, бѣдствуя въ своемъ новомъ отечествѣ, въ борьбѣ съ хананеянами могли еще съ сожалѣніемъ вспоминать о своемъ пребываніи въ Египтѣ. Второй же разсказъ приводитъ насъ къ эпохѣ новаго храма по возвращеніи евреевъ изъ плѣна вавилонскаго, и при томъ къ довольно ранней эпохѣ, когда преобладаніе жрецовъ надъ всѣми левитами не было еще такъ укрѣплено, какъ во времена Христа. То, что я сказалъ въ поэмѣ о Датанѣ и Авиронѣ, шире развиваетъ религіозный и политическій мотивъ оппозиціи всѣхъ Израильтянъ противъ Моисея.

Читая отдѣльно текстъ cadaго изъ этихъ разсказовъ, можно замѣтить, что въ разсказѣ о Датанѣ и Авирамѣ нѣтъ начала, гдѣ должно быть сказано, по какому поводу и какимъ образомъ проявилось ихъ оппозиціонное движеніе противъ Моисея. Изъ текста разсказа мы узнаемъ только, что Моисей велѣлъ ихъ позвать, неизвѣстно куда, — вѣроятно, на общее собраніе

старѣйшинъ израильскаго народа, — а когда они не пожелали прійти, онъ со старѣйшинами самъ пошолъ къ ихъ палаткамъ, и тамъ господней силою совершилъ чудесное уничтоженіе ихъ. Не считая нужнымъ допускать чудесную катастрофу, я изобразилъ въ своей поэмѣ оппозиціонную дѣятельность Датана и Авирона на собраніи израильскаго народа и предоставилъ дѣло наказанія ихъ, предсказаннаго имъ Моисеемъ, стихійному взрыву народнаго сознанія послѣ смерти Моисея.

Важную роль въ моей поэмѣ играетъ демонъ Азazelъ, о которомъ въ такъ называемой Моисеевой книгѣ Левитовъ, глава XVI, ст. 5—10 имѣется законное постановленіе, изданное по тому поводу, что два сына Аарона скончались внезапной смертію, войдя въ скинію завѣта. Это было причиною введенія закона, чтобы никто не смѣлъ входить внутрь палатки, гдѣ стоялъ ковчегъ завѣта, кромѣ одного первосвященника Аарона, да и то лишь въ опредѣленныхъ указанныхъ случаяхъ и въ предписанной обрядомъ одеждѣ. Разъ въ годъ, въ покаянный день, могъ Ааронъ входить внутрь палатки завѣта и у общины сыновъ Израилевыхъ долженъ былъ взять двухъ козловъ за отпущеніе грѣховъ и одного барана для сожженія цѣликомъ. Отъ себя же Ааронъ обязанъ былъ принести въ жертву вола за отпущеніе грѣховъ своихъ и своей семьи. Что касается двухъ козловъ, то онъ долженъ былъ взять ихъ и поставить передъ Вѣчнымъ у входа въ палатку. Онъ обязанъ былъ бросить жребій для рѣшенія о нихъ; одинъ изъ нихъ предназначался для Вѣчнаго, другой для Азazеля. Козла, предназначеннаго жребіемъ Вѣчному Ааронъ долженъ былъ заклать и принести въ жертву за прощеніе грѣховъ, а другого, предназначеннаго жребіемъ Азazелю, долженъ былъ поставить живымъ передъ Вѣчнымъ, со-

вершить надъ нимъ обрядъ очищенія и потомъ выгнать его въ пустыню для Азазеля». (Ed. Reuss, op. cit. II, стр. 146-7). Въ украинскомъ переводѣ Кулиша этотъ отрывокъ переданъ довольно неясно и въ немъ нѣтъ имени Азазеля; см.: Святе письмо Старого завіту. Мовою русько-українською. У Відні 1912, стр. 114*). Изъ приведеннаго текста ветхозавѣтной книги ясно видно, что Азазель является демономъ, противникомъ Іеговы, вѣроятно, олицетвореніемъ пустыни и ея страшилцемъ. Самое названіе довольно загадочно и давало поводъ для разныхъ толкованій, слѣдствіемъ которыхъ было то, что въ нѣкоторыхъ переводахъ Библии это имя совсѣмъ не приводится, а замѣняется болѣе или мене натянутой интерпретаціей. (Ср. объ этомъ Dr. Albert Hauck, Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, Leipzig, 1897, т. II, стр. 321-2).

Въ библейскомъ разсказѣ самъ Богъ указываетъ Моисею Палестину; въ своей поэмѣ я нарочно предоставилъ это роли Азазеля, желая возможно сильнѣе отмѣтить контрастъ между пророческими обѣщаніями и тѣмъ, что дѣйствительно ожидало евреевъ въ Палестинѣ. Я считалъ нужнымъ усилить этотъ контрастъ не только указаніемъ на географическое положеніе и разноплеменность Палестины, но сверхъ того еще и изображеніемъ ожидавшей евреевъ въ этомъ краю участи. И я вложилъ это въ уста Азазеля, какъ сильнѣйшую часть демонскаго искушенія, могущую поколебать вѣру даже самаго сильнаго характера. Но не надо забывать, что эта роль Азазеля въ моей поэмѣ является лишь поэтическимъ объективированіемъ собственной

*) Имени Азазеля нѣтъ и въ русскомъ переводѣ. „Священныя книги ветхаго и новаго завіта.“ Изд. брит. и иностр. библ. общества. Вѣна, 1914, стр. 117. П. Д.

LI
UNIV
AT UF
E
UI

психологической реакціи, которая должна была совершаться въ душѣ пророка послѣ того, какъ онъ оттолкнулъ его народъ. Крайнее выраженіе этой психологической реакціи, вырывающееся изъ души пророка въ видѣ словъ: «Обмануль Иова!», вовсе не является триумфомъ демона-искусителя, со смѣхомъ отступающаго въ этотъ шагъ отъ Моисея, а служитъ лишь обозначеніемъ редѣла человѣческой вѣры и человѣческой силы, дойдя до котораго Моисей слышитъ слова Всемогущаго Бога, раскрывающія ему гораздо болѣе широкій кругозоръ, чѣмъ тотъ, который могъ ему раскрыть Азazelъ, разъясняющія ему высокую мудрость управляющаго судьбой народовъ Провидѣнія и дающія его душѣ и тѣлу конечное успокоеніе.

Для изображенія (въ строфахъ 1—9-ой XIX ѣсни) предшествовавшихъ Іеговѣ явленій я воспользовался библейскимъ разсказомъ объ явленіи Іеговы пророку Іліи въ первой книгѣ царствъ, гл. XIX, ст. 9—13, гдѣ читаемъ вотъ то:

«Ілія вошелъ въ пещеру и провелъ тамъ нѣсколько дней. И онъ услышалъ голосъ Бога, спросившій его: «Что дѣлаетъ Ілія?»

«И онъ отвѣтилъ: «Я усердно и пламенно потрудился для Вѣчнаго, бога звѣздъ, ибо сыны Ізраиля оставили союзъ твой, разорили твои жертвенники и удалили твоихъ пророковъ. Только я одинъ пережилъ ихъ, и вотъ они посягаютъ на мою жизнь, дабы отнять ее у меня».

«И голосъ сказалъ: «Изыди и взойди на гору предъ лицо Вѣчнаго, ибо онъ прійдетъ сюда».

«И вотъ поднялся сильный и ужасный, потрясающій гору и разбивающій камни, предшествующій Вѣчному вѣтеръ, но Вѣчнаго не было въ томъ вѣтрѣ. А послѣ вѣтра наступило землетрясеніе, но его не было въ землетрясеніи. Послѣ движенія земли явился огонь, но и въ огнѣ

не было Вѣчнаго. А послѣ огня зашелестѣлъ легкій вѣтеръ, и въ этомъ вѣтрѣ явился Вѣчный».

И, почувствовавъ это, Илія закрылъ свое лицо мантией и остановился у входа пещеры». (Ed. Reuss, op. cit. I, стр. 493).

Для поэтического обзора географіи Палестины, даннаго мною въ XVII-й главѣ поэмы, я воспользовался нѣсколькими отрывками вступительнаго этюда Эдуарда Рейса къ его обзору ветхозавѣтныхъ книгъ исторіи Израиля (op. cit. I, стр. 14—17). Привожу ихъ здѣсь въ переводѣ: «Естественныя границы у страны Ханаанъ имѣются, собственно говоря, только на западѣ, гдѣ берега ея омываетъ Средиземное море, и на востокѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ Іорданъ. Эта рѣка, единственный имѣющій значеніе для края пересыхающій водный потокъ, протекаетъ по очереди черезъ два озера и теряется въ третьемъ, извѣстномъ подъ названіемъ Мертваго моря. Съ сѣвера страна Ханаанская ограничена двумя параллельными отрогами Ливанскихъ горъ, одинъ изъ которыхъ тянется вдоль нея, а другой отдѣляетъ ее отъ большой Аравійской пустыни. Обнимаемая этими двумя отрогами горъ долина была во власти Израилѣтянъ лишь въ нѣкоторые рѣдкіе моменты ихъ исторіи. Колоніи ихъ однако не переходили за истоки Іордана. Отсюда до самой южной границы, т. е. до начала широкой пустыни Синайскаго полуострова, можно сказать, до линіи между южнымъ концомъ Мертваго озера и юго-восточнымъ угломъ Средиземнаго моря, вся страна между морскимъ берегомъ и Іорданскою долиною образуетъ плоскогоріе, шириною въ 12—15 миль и высотой до 2000 футовъ надъ уровнемъ моря. Плоскогоріе весьма неровное, но на немъ нѣтъ болѣе значительныхъ горъ. Къ югу оно понижается и террасами спускается къ пустыни. Къ западу и въ сѣверной части оно доходитъ вплоть до са-

LIB
UNIVE
AT URB

ELI
C
UKI

аго моря, но въ южной части ограничено равниной, которая расширяясь доходить до предѣловъ Египта и называется Суэзскимъ перешейкомъ.

«Внутри этого края находится только одна мало-мальски значительная долина. Она начинается у горы Фавора, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Иорданъ вытекаетъ изъ Генесаретскаго озера, и кончается въ заливѣ Акки и у подножія горы Кармея; длина ея достигаетъ 7, а ширина отъ 2—4 миль. Само плоскогоріе вслѣдствіе этого естественнымъ образомъ дѣлится на сѣверную часть (горы племени Нефѣлима) и южную, гораздо большую часть (горы племенъ Ефрема и Іуды). Два послѣднихъ названія обозначаютъ собою не какой-либо естественный раздѣлъ, а только нѣкоторое различіе ихъ обитателей. Мѣстность вообще слабо орошена и съ отдаленнѣйшихъ временъ весьма высушена солнцемъ, часть же ея, особенно смежная съ Мертвымъ моремъ, никогда не была ничѣмъ, кромѣ плохого пастбища, быть можетъ.

«На лѣвой сторонѣ Иордана возвышается подобное же плоскогоріе, называемое въ разныхъ своихъ частяхъ, начиная съ сѣвера къ югу, именами Башадъ, Галаадъ и Фазга. Тѣ мѣстности, которыя никогда не находились подъ господствомъ ханаанскихъ племенъ, были въ значительной части завоеваны израильскими племенами еще до того, какъ они завоевали западное плоскогоріе, но ихъ владѣніямъ здѣсь всегда угрожали то кочевыя племена пустыни, то сирійскіе цари. Самая поверхность земли здѣсь такая, что лишь фактическое обладаніе — а оно подвергалось, конечно, частымъ перемѣнамъ — могло служить для обозначенія границъ. Наконецъ долина самого Иордана между двумя главными озерами шириною отъ 2—4 миль; это одна изъ наименѣе культивированныхъ частей стра-

ны. Жара здѣсь страшная, потому что долина глубоко врѣзалась въ землю межъ двумя почти совсѣмъ голыми известковыми валами, и сбѣгающіе въ дождливую пору съ горъ въ теченіи большей части года многочисленные потоки высыхаютъ такъ, что не могутъ даже достигнуть Иордана.

«Въ эпоху завоеванія края израильтяне представляли, повидимому, конфедерацію двѣнадцати племенъ. Не слѣдуетъ считать этого числа случайнымъ. Оно повторяется одинаково почти у всѣхъ иныхъ ордъ семитическихъ народовъ или племенъ, о которыхъ упоминаетъ книга Бытія: у эдомлянъ, у хананеянъ, у арамейцевъ и кетурейцевъ. У израильтянъ это число такое основное и такъ вкоренилось въ традиціи народа, что сохранилось даже и тогда, когда уже не имѣло никакого права на существованіе и не отвѣчало ничему въ національной жизни, такъ какъ племена частью смѣшались другъ съ другомъ, частью же даже вовсе исчезли. Да и прежде никогда не придерживались правильной и постоянной номенклатуры; число 12 оставалось, но въ списокъ племенъ не только мѣнялся порядокъ ихъ, но и одни имена замѣнялись другими.

«Замѣтимъ наконецъ, что никогда не было даже вопроса о равенствѣ между 12 племенами. Ужъ легендарное преданіе подчеркиваетъ различіе въ достоинствѣ объединенныхъ въ федераціи племенъ, одни изъ которыхъ занимаютъ привилегированное, а другіе болѣе или менѣе зависимое положеніе. Самое сильное племя выбирало изъ своей среды предводителей общихъ походовъ, и это давало поводъ ихъ соперничества, а потомъ для раздоровъ и для домашнихъ войнъ. Это напоминаетъ распри древнихъ грековъ изъ-за первенства, исторію борьбы Спарты и Аѳинъ за гегемонію. Особенно соперничаютъ

LI
UNIV
AT URB

E.

UI

ежъ собой два племени, племя Іосифа съ пле-
немъ Іуды. Каждое изъ нихъ стоитъ во главѣ
ѣсколькихъ другихъ подвластныхъ племенъ,
оба борются за первенство съ перемѣннымъ
астьюемъ, успѣхами и неудачами. Уже въ са-
момъ началѣ исторіи первое изъ этихъ племенъ
ержитъ въ своихъ рукахъ кормило правленія
ациональными дѣлами, или по крайней мѣрѣ
етендуетъ на управленіе ими, и для поддер-
анія этой претензіи выступаетъ даже съ ору-
іемъ въ рукахъ. Позднѣ іудеянинъ Давидъ
а нѣкоторое время укрѣпляетъ первенство за
зоимъ племенемъ, но уже по смерти его сына
есятъ племенъ отрываются отъ іудеевъ, и воз-
икаетъ длящійся затѣмъ долгія столѣтія раз-
ывъ, слѣды котораго не стерлись вполне и до
ашихъ дней».

Оставляю въ сторонѣ притчу о тернѣ, вло-
енную въ уста Моисея въ V-ой главѣ моей
оэмы, такъ какъ не могу теперь найти ея ори-
инального текста. Она имѣется въ одной изъ
етхозавѣстныхъ книгъ, но я довольно свободно
ередѣлалъ ее и прибавилъ къ ней (глава VI),
о моему мнѣнію, достойное Моисея и соотвѣт-
ствующее моменту, въ какой онъ рассказываетъ
ѣтямъ Израиля эту притчу, поясненіе.

Въ одномъ случаѣ я воспользовался и гре-
еской миѳологіей, а именно тамъ, гдѣ упомина-
тся объ Оріонѣ (глава XVI). — Миѳъ объ Оріонѣ
прочемъ не чуждъ также египетскому и еврей-
кому преданію; въ пересказѣ греческаго миѳо-
рафа Аполлодора онъ излагается слѣдующимъ
бразомъ: «Оріона убила Артемида на Делосѣ.
Но считаютъ гигантомъ, сыномъ земли (Геи);
ерекидъ утверждаетъ, что онъ родился отъ По-
ейдона и Евріалии; по крайней мѣрѣ, Посейдонъ
дарилъ его способностью ходить по морю. Этотъ
Оріонъ женился на Сидѣ, которую однако Гера
вергла въ Гадесъ за то, что та считала себя

красивѣ богини. Утративъ первую жену, Оріонъ отправился на островъ Хіосъ и попросилъ руки Меровы, дочери туземнаго князя Ойнопіона (Винопійца). Ойнопіонъ подпоилъ Оріона и, когда послѣдній заснулъ, ослѣпилъ его и бросилъ въ море. Оріонъ не утонулъ въ морѣ, а пошолъ по верху воды и пришолъ на островъ Лемносъ въ кузницу Гефеста. Здѣсь онъ схватилъ одного изъ слугъ, посадилъ его себѣ на плечи и велѣлъ ему вести себя на востокъ, къ Солнцу. Дойдя до жилища Солнца, онъ отъ лучей его вновь обрѣлъ свое зрѣніе и тогда поспѣшилъ опять на Хіосъ, чтобы отомстить Ойнопіону».*)

Предлагая русскій переводъ своего произведенія, я долженъ выразить полную признательность г. переводчику за его стараніе подойти какъ можно ближе къ оригиналу при переводѣ поэмы на русскій языкъ. Это стоило, конечно, довольно много труда. Надѣюсь все же, что онъ не пожалѣетъ о затраченной имъ на переводъ энергіи.

Не могу предвидѣть, какъ приметъ русская публика мою поэму, такъ непохожую на то, что предлагаютъ ей обыкновенно почти всѣ современные русскіе поэты. Но мнѣ кажется, что она будетъ нелишней и привнесетъ кое-что новое въ теченіе русской поэзіи, а, быть можетъ, и успѣетъ умалить господствующее до сихъ поръ среди громаднаго большинства великорусскаго общества предубѣжденіе противъ украинскаго слова и духа.

Львовъ, 14 декабря 1913 г.

Д-ръ Иванъ Франко.

*) Apollodor's Mythologische Bibliothek, übersetzt von Christian Gottlob Moser. Erstes Bändchen. Stuttgart 1828.

LIB
UNIVE
AT URE

ELI
C
UKE

Посвященіе.

О, мой народъ, измученный, разбитый,
Какъ паралитикъ на распутьѣ лежа,
Презрѣнъемъ точно язвою покрытый!

Твое грядущее мнѣ душу гложетъ;
Стыда, что будетъ жечь потомковъ бѣдныхъ,
Все отогнать, забыть она не можетъ.

Ужель тебѣ въ таблицахъ рока мѣдныхъ
Начертано служить сосѣдямъ только гноемъ,
Конемъ ихъ быстрыхъ колесницъ побѣдныхъ?

Ужель всегда скрывать подъ стономъ-воемъ
Ты будешь гнѣвъ, являя лицемѣрность
Ко всѣмъ, кто силою, измѣной и разбоемъ
Тебя сковалъ, хранить поклявшись вѣрность?
Ужель тебѣ лишь не нашлося дѣла,
Что проявило бѣ силъ твоихъ безмѣрность?

И тщетно множество сердець горѣло
Къ тебѣ святой, горячею любовью,
Тебѣ отдавши въ жертву душу, тѣло?

Напрасно весь твой край пропитанъ кровью
Твоихъ борцовъ? Ему ужъ не подняться
Во всей красѣ, свободѣ и здоровьѣ?

Напрасно въ словѣ у тебя искрятся
Рѣшительность и мягкость, умъ и сила,
Все то, чѣмъ можетъ духъ воспламеняться?

LIB
UNIVE
AT URI

ELI
C
UKI

Въ твоей напрасно ль пѣснѣ говорила
Тоска, любовь, смѣхъ звонкій, ожиданье,
Лучъ свѣтлый радости, надежды милой ?

О нѣтъ ! Не только слезы и стенанья
Ждутъ впередъ тебя ! Я вѣрю въ силу духа
И въ день воскресный твоего возстанья.

Создать бы мигъ, ловящій слово слухомъ,
И слово бросить въ этотъ мигъ блаженный,
Бодрящее огнемъ живого духа !

Пропѣть бы гимнъ горячій, вдохновенный,
Ведущій миллионы за собою
Впередъ на путь спасенья сокровенный !

Когда бъ !... Да обезсиленнымъ тоскою,
Измученнымъ сомнѣньемъ и обидой, —
Не намъ въ бою руководить тобою !

Но часъ придетъ, когда со свѣтлымъ видомъ
Возсядешь ты среди народовъ вольныхъ,
Встряхнешь Кавказъ, украсишься Бескидомъ,
Споешь надъ Чорнымъ Моремъ пѣсню воли,
Оглянешься — хозяинъ домовитый —
Въ своей ужъ хатѣ, на своемъ и полѣ.

Прійми жъ мой даръ, хоть скорбью весь повитый,
Да полный вѣры, — горькій, но свободный ;
Твоей судьбы прообразъ онъ, слезой омытый,
Даръ свадебный, твоему генію угодный.

20-го іюля 1915 г.

МОИСЕЙ

ПОЭМА.

I.

Сорокъ лѣтъ пробродилъ Моисей
Въ Аравійской пустинѣ
И съ народомъ своимъ, наконецъ,
Подошолъ къ Палестинѣ.

Тутъ пески еще, въ ржавчинѣ всѣ
Обнажонныя скалы Моава,
А за нимъ Іорданъ голубой
И лѣса и роскошныя травы.

По моавскимъ долинамъ сухимъ
Все Израиль кочуетъ;
О походѣ за голую высь
Онъ совсѣмъ не тоскуетъ.

Подъ лохмотьемъ шатровъ рваныхъ спитъ
Кочевое ничтожное племя,
А волы и ослы ихъ грызутъ
Осеты и волчцы въ это время.

Въ то, что дивный обѣщанный край,
Богатствъ полный безъ мѣры,
Вотъ ужъ вотъ за горою блеситъ,
У нихъ вовсе нѣтъ вѣры.

Сорокъ лѣтъ говорилъ имъ пророкъ —
Да такъ гордо, прекрасно —
Про отчизну завѣтную ту,
И все даромъ, напрасно.

Сорокъ лѣтъ голубой Иорданъ
Съ его чудной долиной
Ихъ манили съ себѣ и влекли,
Словно дивной миража картиной.

И извѣрились люди, рѣшивъ:
„Нѣтъ, нагали пророки!
Здѣсь въ пустынѣ намъ всѣмъ умирать!
Мы прождали всѣ сроки“...

Перестали и ждать и желать,
Рваться въ дали простора,
Слатъ гонцовъ или сами глядѣть
За покрытыя ржавчиной горы.

День за днемъ средь моавскихъ холмовъ,
Пока зной донимаетъ,
Между рваныхъ еврейскихъ шатровъ
Лишь дремота витаетъ.

Только жоны прядутъ иль пекутъ
На угляхъ козьи ноги
Да волы и ослы ихъ грызутъ
Цѣлый день кормъ убогій.

LIE
UNIVE
AT UR

EL
UK

Дѣтвора же, играя въ степи,
Игры странныя водить :
То воюеть, то строить валы,
Укрѣпленья возводить.

И не разъ въ полуснѣ ихъ отцы
Головами киваютъ :
„Гдѣ набрались они этихъ игръ ?
И откуда они это знаютъ ?

„Не видали такого они
По степнымъ перекатамъ !
Иль пророка слова перешли
Въ кровь и душу ребятамъ ?“

II.

Лишь одинъ среди всѣхъ тѣхъ людей
Глазъ въ шатрѣ не смыкаетъ
И на крыльяхъ печали своей
Все впередъ улетаетъ.

Моисей то, забытый пророкъ,
То старикъ слабосильный,
Что безъ рода, безъ стада и безъ жонъ
Предъ собой видитъ камень могильный.

Все, что было, всю жизнь онъ отдалъ
За одну лишь идею,
И горѣлъ, пламенѣлъ и страдалъ
И трудился надъ нею.

Изъ неволи въ Мицраимъ народъ,
Точно буря, онъ вырвалъ
И на волю рабовъ изъ страны
Ихъ мученія вызвалъ.

Какъ душа ихъ души онъ взлеталъ —
И не счесть до единого раза —
Многokrатно до крайнихъ высотъ
Вдохновенья, экстаза.

И на волнахъ мятежныхъ ихъ душъ
Въ пору пробы и мѣры
Пережилъ съ ними самъ онъ неразъ
Дни отсутствія вѣры.

Да теперь его голосъ замолкъ
И погасло совсѣмъ вдохновенье,
И не слушаетъ ужъ его словъ
Юныхъ душъ поколѣнье.

Тѣ слова про обѣщанный край
Для ихъ слуха лишь сказка;
Мясо стадъ ихъ и масло и сыръ —
Судьбы высшая ласка.

Что въ Мицраимъ ихъ дѣды-отцы
Предпочли всему бремя похода, —
На ихъ взглядъ — только глупость и грѣхъ,
Просто гибель народа.

Всѣмъ у нихъ Авиронъ и Датанъ
Управляютъ сегодня;
На пророка слова ихъ отвѣтъ:
„Наши козы голодны!“

LIE
UNIVE
AT UR

EL

UK

А на зовъ Моисея въ походъ :
„Безъ подковъ наши кони хромые“.
На рассказы о славѣ побѣдъ :
„Тамъ вѣдь войны злые“.

На приманки же новой земли :
„Намъ и тутъ не такъ худо“.
На совѣтъ, чтобы Богу вняли :
„Замолчи ты, хоривское чудо!“

А когда имъ напомнилъ пророкъ
Вновь про гнѣвъ Іеговы,
То ему запретилъ Авиронъ
Богохульное слово.

И Израиля созвавъ сыновъ,
Совершивши Ваалу хваленъе,
Громогласный Датанъ отстоялъ
Вотъ какое рѣшенъе :

„Кто, пророкомъ себя возомнивъ,
Безудержно болтаетъ
И, смущая толпу, темный людъ
Божьимъ гнѣвомъ пугаетъ, —

„Кто посмѣетъ звать къ бунту народъ,
Соблазнять перемѣной,
И за горы манить ихъ впередъ
Встрѣчу гибели вѣрной, —

„Тотъ на страхъ всѣмъ безумцамъ другимъ
Предъ народа сынами
Всѣми будетъ оплеванъ, судимъ
И забросанъ камнями“.

III.

Вечерѣло. И спала жара,
Что днемъ властно царила;
Надъ горой, какъ пожара огнемъ,
Неба край озарило.

Словно дождь золотой внизъ съ небесъ
Полилася прохлада;
Начинается жизнь межъ шатровъ
У народа-номада.

Тихо, плавно ступая, идетъ
Каменистой тропою
Черноокихъ евреекъ чередъ
Къ роднику за водою.

И кувшины на ихъ головахъ
Чуть качаются стоя.
Мѣхъ изъ шкуръ наготовѣ въ рукахъ:
Тамъ овецъ онѣ доятъ.

Вотъ подростки средь голой степи
Словно зайцы играютъ,
То бѣгутъ взапуски и кричатъ,
То изъ луковъ стрѣляютъ.

Кое-гдѣ слышенъ плачь изъ шатра,
Или хохотъ дѣвичій;
Кто-то скорбную пѣсню завелъ,
Будто ночью въ степи клекотъ птичій.

Вотъ и дѣды, мужья и отцы
Изъ палатокъ выходятъ,

LII
UNIVI
AT UR

EI

UK

По горамъ и по голой степи
Взоромъ молча обводятъ.

Не видать ли гдѣ вражьи коней
Тамъ за жолтымъ туманомъ?
Не валить ли полуденный бѣсъ
По пескамъ ураганомъ?

Нѣтъ, покой! Разговоры пошли
По сосѣдски привычно:

„Овцы меньше даютъ молока,
И ягнята малы необычно!

„Даже что, — для ослицъ не хватать
Стало чертополоха.

И придется таки кочевать,
Чтобъ имъ не было плохо.

„Авиронъ насъ зоветъ въ Мадіамъ,
А Датанъ еще дальше.
Моисей? — Тому новый законъ
Говорить не позволить, какъ раньше“...

Вдругъ по табору говоръ и шумъ,
Бѣготня, полно крика;
Изъ шатровъ выбѣгаетъ народъ
Отъ мала до велика.

Что такое? Иль врагъ гдѣ идетъ?
Звѣрь въ тенета попался?
Нѣтъ, не то — Моисей! Моисей
Изъ шатра своего показался.

Хотя годы его тяготятъ,
Гнутъ заботой пекучей,

Но въ очахъ все-же искры горятъ,
Какъ двѣ молніи въ тучѣ.

Его волосы бѣлы какъ снѣгъ,
Старика украшаютъ собою, —
И стоятъ еще гордо пучки
Какъ рога надъ его головою.

Онъ идетъ на широкій просторъ,
Гдѣ палатка завѣта
Простираетъ четыре конца
На всѣ стороны свѣта.

Въ той палаткѣ тяжелый ковчегъ —
Онъ весь кованъ изъ мѣди —
Іеговы наказы хранить,
Знаки воли, побѣды.

Но давно уже не былъ никто
Внутри стана святого,
Его страхъ сторожить день и ночь,
Словно песь у порога.

Тамъ же камень огромный лежитъ
У восточнаго входа:
Съ того камня обычай велить
Обращаться къ народу.

Вотъ на камень вступилъ Моисей —
Ужаснулись люди.
Неужель волѣ всѣхъ вопреки
Онъ пророчить имъ будетъ?

И придется разбить, растоптать,
Какъ гнилую колоду,

LIE
UNIVE
AT UR

EL
UK

Кого дѣды ихъ — какъ и отцы —
Отцомъ звали народа?

Вотъ средь лучшихъ людей Авиронъ
Ужъ краснѣетъ съ досады,
Что-то среднимъ тамъ шепчетъ Датанъ,
Демонъ злой ихъ громады.

IV.

„Вчера вы, горемыки мои,
День окончили глупымъ рѣшеньемъ;
Я хотѣлъ это вамъ указать
Теперь вмѣсто вступленья.

„На языкъ мой, на душу печать
Вы рѣшили вчера наложить.
И теперь, противъ всѣхъ васъ возставъ,
Долженъ я говорить.

„И поймите, запомните же
Всѣ вы, дѣти слѣпые:
Если душу живу заглушить,
Вскричатъ камни нѣмые.

„Вы вчера присягнули свой слухъ
Затыкать передъ словомъ
Не моихъ бранныхъ устъ, но, увы, —
Самого Іеговы.

„Берегитесь, а то онъ на васъ
Обратится самъ нынѣ;
Говорить онъ страшнѣе въ сто разъ
Рева грому въ пустынѣ.

„И отъ словъ его горы дрожать
И земля подается,
Ваше сердце, какъ листъ на огнѣ,
Все сгорить и совьется.

„Вчера вы проклинали всякій бунтъ —
И кляли его все, —
Противъ глуныхъ тѣхъ клятвъ возстаеъ
Ваше сердце, бунтуя.

„Иегова вамъ въ сердце вложилъ,
Словно дрожжи внутрь тѣста,
Свои силы, что васъ поведутъ
Вновь до должнаго мѣста.

„Вчера всѣ вы считали покой
Наивышимъ блаженствомъ;
Но согласенъ ли планъ вашъ такой
Съ Иеговы святымъ совершенствомъ?

„Или онъ для покоя призывалъ
Изъ мѣстъ Уръ и Гаррана
Авраама и племя его
На луга Ханаана?

„Для покоя потомъ ихъ водилъ
Иорданской долиной,
Семилѣтнимъ ихъ голодомъ гналъ
Вплоть до Нильской равнины?

„Пожелай онъ въ покой держать
Васъ какъ мумію въ криптѣ,
Вы сейчасъ словно скотъ, какъ воли
Гнули бѣ шеи въ Египтѣ.

U E
UNIV E
AT UR I

EL

UK I

„Потому буду вамъ говорить
Я не робко, а властно,
Чтобъ вы знали, что съ Богомъ въ борьбу
Вступать очень опасно.

„Иеговы натягнуть ужъ лукъ
И тетива нажата
Со стрѣлою, приложенной къ ней,
Это вы вѣдь—стрѣла та.

„И стрѣла ужъ направлена въ цѣль,
Приготовлена къ бою,
Такъ прилично ль стрѣлѣ говорить:
„Я желаю покою“?

„Такъ какъ вы поклялися вчера —
У васъ женскія души —
Впредь не слушать пророчествъ моихъ,
Предъ угрозой закрыть свои уши, —

„То нарочно я къ вамъ о всемъ томъ
Говорить вотъ явился;
И судьбу предсказать, что васъ ждетъ,
Пригрозить я рѣшился.

„А вы слушать должны, хоть и злость
Въ ваше сердце вопьется.
Хочу видѣть, чья первой рука
На меня замахнется“.

V.

„Поклялися вы не слушать вѣстей
Иеговиной милости-ласки, —

3*

Какъ дѣтямъ неразумнымъ зато
Разкажу вотъ вамъ сказку:

„Всѣ деревья однажды сошлись
На широкомъ раздолѣ.

„Изберемте себѣ мы царя
По своей вольной волѣ,

„Чтобъ защита была отъ него,
Честь, надежда, подмога,
Господинъ чтобъ онъ былъ и слуга
Намъ, и цѣль и дорога“.

„И сказали одни: „Избирать —
На одно всѣ мы званы.
Да царить же надъ нами вовѣкъ
Стройный кедръ на Ливанѣ“.

„И пришли всѣ деревья гурьбой
Къ тому кедру съ мольбою:

„Ты сойди съ своихъ гордыхъ высотъ,
Займись нашей судьбою“.

„Отказалъ имъ въ томъ кедръ и сказалъ:

„Ишь чего пожелали!

Чтобы бросилъ я самъ ради васъ
Свои горы и скалы?

„Чтобъ оставилъ я самъ ради васъ
Солнца блескъ и свободу,

Вольный кедръ, я да сталъ бы служить
Жалкимъ толпамъ народа?

„Вы корону вотъ мнѣ принесли?
Ни ея мнѣ не надо ни трона, —

UNIV
AT UH
E
UJ

Я безъ нихъ — украшенъе земли,
Горъ ливанскихъ корона“.

„И вернулись деревья ни съ чѣмъ.
Пришли къ пальмѣ съ словами:
„Ты межъ нами растешь, намъ—родня,
Будь царицей надъ нами“.

„И сказала имъ пальма: „Друзья,
Что васъ это задѣло?
Вѣдь царить и порядки вводить,
Не мое вовсе дѣло!

„Чтобъ межъ вами порядокъ завести,
Я оставить не въ силѣ
Благовонный свой цвѣтъ и свой плодъ,
Свои бросить дактили!

„Чтобы солнце напрасно мой сокъ
Грѣло лаской своей?
И плода чтобъ напрасно искалъ
Звѣря глазъ и людей?

„Пусть царить кто-угодно у васъ,
Я на тронъ не возсяду, —
Я хочу давать всѣмъ свою тѣнь,
Сладкій кормъ и прохладу“.

„И поникли деревья тогда,
Мучась думами злыми,
Что не хочетъ ни пальма ни кедръ
Воцариться надъ ними.

„Будемъ розу просить! Но она
Въ своемъ пышномъ расцвѣтѣ

Безъ короны — царица цвѣтовъ,
Всѣхъ красивѣй на свѣтѣ.

„Обратимся мы къ дубу! Такъ дубъ,
Какъ хозяинъ богатый,
Неприступно и гордо стоитъ,
Желудями занятый.

„Ну березу просить! Да она,
Въ бѣломъ платьѣ изъ шолку,
Косы буйныя внизъ опустивъ,
Грустно клонить головку.

„Словно на смѣхъ тутъ кто-то сказалъ
И самъ вѣрить боится:

„Не пойти ли намъ тернъ попросить,
Можетъ тернъ согласится?!“

„Подхватили деревья за нимъ
То устами одними,
И давай всѣ терновникъ просить,
Чтобъ царемъ былъ надъ ними.

„Тернъ сказалъ: „Кто-то добрый совѣтъ
Далъ вамъ во-время, къ ладу.
Я на вашемъ престолѣ сейчасъ
Безъ сомнѣній возсяду.

„Я не строенъ, конечно, какъ кедръ,
Не сравнюсь я ни съ пальмой,
Ни съ такимъ самолюбомъ, какъ дубъ,
Ни съ березой печальной.

„Добывать буду поле для васъ,
Самому мнѣ не надо,

LI
UNI
AT UR

EL

UR

Разстелюсь я предъ вами внизу,
У ногъ вашего сада.

„Охранять буду входъ въ этотъ садъ
Своихъ вѣтокъ шипами,
Буду скрашивать всѣ пустыри
Я своими цвѣтами.

„Служить буду я зайцу гнѣздомъ,
Птицъ убѣжищемъ строгимъ;
Чтобъ росли вы все краше, я самъ
Буду гибнуть у края дороги“.

VI.

Всѣ въ глубокомъ молчаньи ту рѣчь
Ухомъ ловятъ еврей...

„Это сказка, — сказалъ Моисей, —
Вотъ что думаю ея:

„Тѣ деревья — народы земли,
Царь же, сторожъ ихъ доли —
Божій избранникъ, сынъ и слуга
Вѣрный Господа воли.

„Иегова, народы создавъ
Какъ растенія въ полѣ,
Заглядалъ всѣмъ имъ въ души, читалъ
По нимъ каждаго долю.

„Заглядалъ онъ имъ въ душу, чтобъ знать
Ихъ удачу-судьбину,
И искалъ, кого выбрать изъ нихъ,
Объявить своимъ сыномъ.

„И не взялъ громкихъ, гордыхъ, всѣхъ тѣхъ
Что бьютъ въ небо словами,
И заносятъ могучую длань
Надъ людей головами.

„И не взялъ богатѣевъ онъ тѣхъ,
Что весь міръ грабятъ-доятъ,
Людскимъ золотомъ-потомъ себѣ
Лишь гробницы и строятъ.

„И не взялъ онъ красавцевъ-повѣсь,
Что на лирахъ играютъ,
Въ пѣснѣ, въ мраморѣ даръ свой навѣкъ
Воплотить замышляютъ.

„Онъ отвергъ всю ту славу, весь блескъ
И земное господство,
Ароматъ всѣхъ искусствъ, всѣхъ наукъ
И всѣхъ книгъ превосходство.

„И какъ тернъ средь деревьевъ иныхъ,
Неказистый собою,
Не снискалъ еще славы себѣ
Даже цвѣтомъ весною, —

„Такъ и избранный Богомъ народъ
Средь народовъ убогій;
Гдѣ лишь гордость и честь, тамъ ему
Недоступны пороги.

„Среди мудрыхъ совсѣмъ не мудрецъ
На войнѣ онъ не воинъ,
И въ отечествѣ собственномъ гость,
Лишь изгнанья достоенъ.

UNIV
AT UI
E
U

„Но покладъ ему въ душу свой кладъ
Богъ сердець Іегова,
Чтобъ онъ былъ точно маякъ во тьмѣ,
Хранилъ Господа слово.

„На безмежномъ скитанья пути
Далъ ему онъ подмогу,
Завѣщанья, обѣты свои,
Словно хлѣбъ на дорогу.

„Но ревнивъ Іегова, нашъ Богъ,
Грозенъ онъ и сердить;
То, что онъ полюбилъ, пусть никто
Не посмѣетъ любить!

„На народѣ избранномъ надѣтъ
Плащъ любви Іеговы,
Недоступный, колючій, какъ кустъ
Тотъ шиповый, терновый.

„И онъ сдѣлался острымъ съ тѣхъ поръ
Какъ кропива-жигуха,
Чтобы могъ только Богъ самъ вдыхать
Ароматъ его духа.

„Онъ посольство господне несетъ
Подъ большою печатью
Въ отдаленье грядущихъ временъ,
Будя ненависть братьевъ.

„Горе горькое будетъ послу,
Что въ пути томъ задремлетъ
Иль нарочно сломаетъ печать
И завѣту не внемлетъ!

„Иной выметъ посольство изъ рукъ
Нерадивыхъ лѣнтяя;
Добѣжавъ къ его цѣли потомъ,
Тамъ въ вѣнцѣ засіаетъ.

„За то счастливъ посолъ, что письмо
Донесетъ скоро, вѣрно.
Дастъ вѣнецъ ему царскій Господь
И прославить безмѣрно.

„О Израиль! Вѣдь ты тотъ посолъ
И царь будущій свѣта!
Не хранишь ты посольства того,
Иеговы завѣта?

„Твое царство не этой земли,
Не мірская и слава!
Горе, если приманить тебя
Тутъ мірская забава.

„Гдѣ бы быть тебѣ солью земли,
Станешь вередомъ гнойнымъ;
Гдѣ бъ любовь всѣмъ принесть, станешь ты
Самъ любви недостойнымъ.

„Гдѣ бы свѣтъ весь избавить отъ всѣхъ
Мукъ, раздоровъ, тревоги,
Будешь ты какъ раздавленный червь
Издыхать у дороги“.

VII.

„Государь дорогой Моисей!“ —
Вставилъ тутъ Авиронъ ядовито:

LIB
UNIV
AT UR
EL
UK

„Страшно насъ напугалъ ты, ей-ей,
Своей сказкой сердитой!

„Межъ народами быть намъ терномъ!
За даръ чести великой
Твоего Іегову и впрямь
Признать стоитъ владыкой.

„И посломъ его быть, это — честь!
Въ даль временъ неизвѣстныхъ
За печатями письма носить —
Чрезвычайно намъ лестно.

„Это именно — доля осла,
Что кули безъ помѣхи
Съ хлѣбомъ носить, голодный всегда,
Чужой рады потѣхи.

„Но евреи съ ума не сошли,
Доли лучшей вѣдь стоятъ;
И Астарта съ Вааломъ за честь
Ихъ ея удостоятъ.

„Іегова себѣ пусть гремитъ
На скалистомъ Синаѣ,—
Намъ Ваалъ дастъ богатства и власть
Средь прекраснаго края.

„Іеговѣ пусть терна кусты
Будутъ любви, пріятны:
Насъ Астарты рука поведетъ
Въ садъ изъ розъ ароматный.

„Нашъ удѣлъ Сенааръ и Гарранъ,
Путь къ востоку въ насъ будитъ отвагу.

А на западъ, гдѣ твой Ханаанъ,
Мы не ступимъ и шагу.

„Это ясно, о чемъ толковать!
Нѣтъ и тѣни сомнѣнья.
Да вотъ какъ намъ съ тобой поступить
По вчерашнемъ рѣшенъи?

„Бить камнями развалину впрямь? —
Рукъ марать вѣдь не стоитъ.
Онъ послужить еще чѣмъ-нибудь,
Коль народъ лишь позволить.

„Мастеръ сказки рассказывать онъ,
Пузыри выдувать соломиной,
Такъ приставимъ мы къ дѣтямъ его
Вмѣсто няньки общинной“.

Такъ сказалъ онъ. Вокругъ хохотъ злой.
А съ тѣмъ хохотомъ рядомъ
По народу шоль ропотъ глухой,
Какъ шумъ бури предъ градомъ.

Но спокойно ему Моисей:
„Такъ и быть, Авиронъ! Но вотъ горе:
Что повиснуть однажды должно,
Не утонетъ и въ морѣ.

„Ханаана тебѣ не видать,
И къ востоку не двинуть ватагу;
Ни впередъ, милый мой, ни назадъ, —
Ты не ступишь ни шагу“.

Гробовая вдругъ тишь возлегла
На устахъ всего люда.

UNI
AT UI
E
U

Вздвогнувъ весь, Авиронъ поблѣднѣлъ
Въ ожиданіи чуда.

Чуда нѣтъ! Авиронъ хохотать!
А со смѣхомъ тѣмъ рядомъ
По народу шолъ ропотъ глухой,
Какъ шумъ бури предъ градомъ.

VIII.

И поднялся упорный Датанъ:
„Даромъ грозишь, пророчишь!
Вотъ какъ я тебѣ правду скажу,
Ты и слушать ее не захочешь.

„Признавайся: ты учился затѣмъ
Тамъ въ египетской школѣ,
Чтобы, выросши, путы ковать
Нашей чести и волѣ?

„Признавайся: не затѣмъ ты ходилъ
Тамъ въ египтянъ синодъ злой,
Чтобъ жрецамъ-мудрецамъ продавать
Постоянно народъ свой?

„Признавайся: тамъ было у нихъ
Предсказаніе злое,
Что съ двѣнадцатью вѣтками дубъ
Власть Египта подроетъ?

„Знали всѣ, фараонъ и жрецы,
Что тотъ дубъ и тѣ вѣтви
То—Израиля столько колѣнъ,
Нилъ покрывшія буйною сѣтью.

„И боялись: напрасна моль всѣхъ
Пытокъ дикая сила;
Вѣдь Израиль растеть и растеть,
Какъ разливъ рѣки Нила.

„Знали всѣ: какъ въ еврейской семьѣ
Мать лишь первенца родить,
Такъ изъ жизни въ египетской ужъ
Первородный уходить.

„И совѣта никто тамъ не зналъ,
Не придумалъ подмоги,
Только ты, перебѣжчикъ, упалъ
Фараону подъ ноги.

„И сказалъ: „Ты позволи всѣхъ ихъ мнѣ
Повести внутрь пустыни,
Обезсилю и высушу ихъ.
Покорю злой судьбинѣ“.

„И исполнилъ ты слово, повель
Овецъ глухихъ отару
Фараону на радость въ пески,
Намъ на горе и кару.

„Сколько люда въ пустынь легло!
Тѣ песчанья дали
Тьмамъ Израйля вѣрныхъ сыновъ
Ужъ могилою стали!

„А теперь, когда нашихъ людей
Только горсть ужъ осталась
И Израйля прежняя мощь
По пескамъ растерялась,

UNIV
AT UI
E
U

„Когда духъ нашъ могучій упалъ,
Силъ осталась руина,
И отвага осѣла въ душѣ
Точно мокрая глина, —

„Ты ведешь всѣхъ насъ въ тотъ Ханаанъ,
Словно въ пасть волчьей ямы.
Властелиномъ вѣдь тамъ фараонъ
Надо всѣми князьями!

„Верхъ безумства итти намъ туда
Добровольно къ ихъ власти!
Намъ съ Египтомъ и здѣсь воевать?—
Не видали напасти!“

„О Датанъ мой,—сказалъ Моисей,—
Брось ты эту кручину!
Ханаана тебѣ не видать,
Не гнуть гордую спину.

„И еще я скажу тутъ тебѣ,
Мой Датанъ: часъ настанетъ,
Тебѣ при смерти пяди земли
Подъ ногами не станеть“.

„Эй, евреи!“—Датанъ закричалъ—
„Вы жъ Ваалу клялися!
Иль рѣшенья вчерашняго вы
Исполнять не бралися?

„Ну, къ камнямъ! Онъ глумится опять,
Издѣвается вовсе.
Пусть погибнетъ онъ лучше одинъ,
Чѣмъ мы изъ-за него всѣ!“

„Пусть погибнетъ!“—кругомъ раздалось.
„Тутъ и смерть ему сразу!“
Только—чудо: не смѣетъ никто
Поступить по приказу.

И Датанъ спохватился тотчасъ.
„Убирайся моментально!
Твоей кровью скверниться на ночь
Для насъ было бъ печально!“

И толпа, какъ шальная, реветъ:
„Убирайся еще нынѣ!“
И звучить ея ревъ будто вихрь—
Ураганъ по долинѣ.

IX.

Но тутъ голосъ поднялъ Моисей,
Ярымъ гнѣвомъ объятый;
Покатились слова по степи
Точно грома раскаты.

„Горе вамъ, безразсудства рабы,
Полюбившіе гордость!
Ибо васъ вѣдь ведетъ, какъ слѣпыхъ,
Дураковъ и плутовъ горсть.

„Горе вамъ, злого бунта умы!
Отъ Египта исхода
Вы, бунтуя, идете всегда
Противъ блага народа.

„Горе вамъ, непокорства сыны!
Горячи вы, упорно сердиты;

LI
UNIV
AT UH
E
UI

Тѣмъ упорствомъ, какъ клиномъ тугимъ,
Внутри сами разбиты.

„Какъ кропива вы жжете того,
Кто какъ цвѣтъ васъ всѣхъ холить;
Какъ быкъ колете вы пастуха,
Коль онъ вамъ не мирволить.

„Горе вамъ, кого избралъ Господь
Путеводной звѣздой, —
Наивысшій тотъ даръ будетъ вамъ
Всѣмъ тягчайшей бѣдой.

„Только васъ осіаетъ Господь
Своей ласки лучами,
Вы пословъ и пророковъ его
Все побьете камнями.

„Но за каждую каплю крови
Своихъ слугъ несомнѣнно
Будетъ мстить Іегова на васъ
До седьмого колѣна.

„Будетъ бить онъ и мучить всѣхъ васъ,
И, заплакавъ отъ боли,
Поклянетесь въ бѣдѣ исполнять
Законъ божеской воли.

„Но жестокая кара минетъ,
Ваша шея воспрянетъ;
Рядъ злодѣйствъ, наказаній и бѣдъ
Повторяться вновь станетъ.

„Горе вамъ, ибо много вѣковъ,
Проживете въ той школѣ,

Пока будете плавно читать
Книгу божіей воли!

„Вижу образъ вашъ: въ полѣ пастухъ,
Съ бука губку содравши,
Въ водѣ мочить и сушить, потомъ
Бьетъ и мнетъ ее, сжавши,

„Пока губка не станетъ какъ пухъ,
Пока въ ней не появится сила
Подъ ударомъ мгновенно схватить
Пламя искры креси́ла.

„Ты, Израиль,— та губка! Тебя
Будетъ бить Іегова,
Пока, мягкій, не станешь ловить
Искры божьяго слова.

„Ты идешь всегда къ цѣли своей,
Какъ волю вяло идетъ въ плугъ.
Горе тѣмъ, на чью шею кулакъ
Іеговы падеть вдругъ!

„Въ даль минувшихъ путей ты глядишь
Иль грядущей дороги,
А о близкіе пни и терны
Все сбивать будешь ноги.

„Будто конь одичавшій летишь
Прямо въ бездну сразгону,
И однажды еще на ярмо
Промѣняешь корону.

„Берегись, чтобъ обѣтовъ своихъ
Не отнялъ Іегова,

UNI
AT

За упорство твое на тебѣ
Не сломалъ бы онъ слова!

„И чтобъ онъ не покинулъ тебя
Въ назиданье народамъ,
Растоптавши, какъ злую змѣю,
У дороги на волю невзгодамъ!“

Наклонившись, слушали всѣ
Молчаливы и хмуры;
Лишь въ груди клокотало у нихъ,
Какъ дыханіе бури.

X.

Добѣгало ужъ солнце до горъ
Въ ярко-красной коронѣ,
И казалось героємъ-пловцомъ,
Что безъ силъ совсѣмъ тонетъ.

На безоблачномъ небѣ всплыла
Вдругъ печаль такъ неожиданно;
Прозвучало шакаловъ вытье
Болью ноющей раны.

Задрожало людское въ груди,
Въ старомъ сердцѣ пророка,
И понизился сразу полетъ
Его думы высокой.

Иль все быть ему вѣстникомъ бѣдъ
И угрозой народу?
Что-то, будто ребенка слеза,
Дало сердцу свободу.

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN

4*

„О, Израиль, когда бы ты зналъ,
Мое сердце чѣмъ бьется!
Если бѣ зналъ, какъ люблю я тебя!
Сказать—словъ не найдется.

„Ты—мой родъ, дорогое дитя,
Ты—вся честь моя, слава,
Въ тебѣ духъ мой, грядущее все,
И краса и держава.

„Я жъ всю жизнь свою отдалъ тебѣ!
Мое сердце не глухо:
Ты пойдешь въ даль вѣковъ, унося
Моего печать духа.

„Впрочемъ нѣтъ, не себя самого
Я въ тебѣ уважаю;
Все прекрасное, доброе все
Я въ тебя вѣдь влагаю.

„О, Израиль, прости ты мое
Богохульное слово:
Я люблю тебя крѣпче, полнѣй,
Чѣмъ самъ Богъ Іегова.

„У него миллионы дѣтей,
Всѣмъ живетъ имъ вольно,—
У меня же ты только одинъ,
И тебя мнѣ довольно.

„Коль изъ тѣхъ миллионовъ тебя
Онъ себѣ взялъ слугою,
Я безъ выбору вѣрно служу,
Полнъ любовью-тоскою.

L
UNIV
AT UI
E
U

„У тебя для себя все-жъ беретъ
Онъ рабочія силы,
Я себѣ ничего не хочу
Отъ тебя, о Израиль мой милый!

„И когда онъ желаетъ кадилъ
И хвалы фиміама,
Я и неблагодарность приму
И насмѣшки и раны.

„Вѣдь люблю я тебя вовсе не
За твою лишь удачу,—
За ошибки и злобу твои,
Хоть надъ ними и плачу.

„За упорство слѣпое твое,
Что лишь гордостью дышетъ
И, взойдя разъ на глупый свой путь,
Даже Бога не слышитъ.

„За обманъ твоего языка,
За широкую совѣсть и взгляды,
Что держатся земного добра,
Точно цѣпкихъ кореньевъ отряды.

„За безстыдство твоихъ дочерей,
За ихъ страсти желанья,
И за рѣчь и привычки твои,
За твой смѣхъ и дыханье.

„О, Израиль, дитя ты мое!
Жалуйсь Богу Шаддаю!
Такъ безмѣрно тебя я люблю,
А межъ тѣмъ покидаю.

„Вѣдь ужъ близокъ послѣдній мой часъ,
Скрытый въ мракъ тумана,
А я долженъ, я долженъ дойти
До границъ Ханаана.

„Такъ хотѣлось мнѣ съ вами войти
Среди трубнаго грома!
Но смирилъ меня Богъ, и одинъ
Ужъ дойду до желаннаго дома.

„И хоть у Іордана упасть
Трупомъ сразу мнѣ гдѣ на погостѣ,
Лишь бы въ краѣ обѣщанномъ томъ
Сложить старыя кости.

„Тамъ я буду лежать и смотрѣть
На Моавскихъ вершинъ силуэты,
Пока вы не придете за мной,
Какъ за матерью дѣти.

„И пошлю я тоску свою къ вамъ,
Пусть за полы васъ тянетъ,
Какъ собака хозяина въ степь
На охоту все манить.

„И я знаю, вы двинете всѣ,
Словно воды весною;
Въ этомъ славномъ походѣ своемъ
Не смущайтесь моею судьбою:

„Пусть впередъ все идетъ вашъ походъ,
Точно быстрыя рѣки!
О Израиль, о чадо мое,
Ты прощай ужъ навѣки!“

UN
AT

XI.

Какъ изъ табора вышелъ онъ въ степь,
Еще горы горѣли,
И манила пурпурная цѣпь
Ихъ къ далекой той цѣли.

А въ ярахъ уже тьма залегла,
Вверхъ всплывала нѣмая;
Въ сердѣ изгнанномъ плакало все:
„Не вернусь никогда я!“

Вотъ еврейская вся дѣтвора,
Что по полю гуляла,
Окружила пророка, за плащъ
И за руки цѣпляясь.

„Ахъ дѣдусь! Куда на ночь идешь?
Будь ты, дѣдушка, съ нами!
Вотъ какую построили мы
Стѣну здѣсь съ воротами!“

„Славно, дѣтки; вы стройте свой валъ!
Мнѣ ужъ ждать не годится;
На валъ жизни и смерти взглянуть
Долженъ я торопиться“.

„Ой, дѣдусь! Погляди, мы въ яру
Скорпіона убили!
А въ терновыхъ кустахъ мы зайчатъ
Вотъ троихъ изловили“.

„Хорошо! Убивайте всегда,
Скорпионовъ вы смѣло!
Хоть несправедное, но за то
Все-жъ полезное дѣло.

„А несправедное: скорпионъ
Жить вѣдь тоже желаетъ.
Виновать ли онъ въ томъ, что злой ядъ
Въ своемъ жалѣ скрываетъ?

„Но зайчатъ отнесите назадъ
Туда, гдѣ ихъ словили.
Вѣдь же мама ихъ плачетъ! О томъ
Вы ужъ развѣ забыли?

„Милосердными быть ко всему,
Что живетъ, надо, дѣти!
Жизнь вѣдь—кладъ дорогой; развѣ есть
Что дороже на свѣтѣ?“

„Подожди-же, дѣдусь, не спѣши,
Сядь средь нашего круга.
Разскажи приключенья свои!“—
Просятъ дѣдушку друга.

„Разскажи, какъ ты былъ молодымъ,
Сколько видѣлъ ты дива,
Какъ еще стада теста ты пасъ
На вершинахъ Хорива.

„Какъ ты кустъ тамъ терновый видаль,
Что горить, не сгораетъ,
И какъ голосъ слышалъ такой,
Что испугъ пробираетъ“.

UN
AT

„Не могу, дѣти, я говорить
О томъ, что когда было.
Гляньте, ночь вонъ туманы несетъ,
Гаснетъ дня ужъ свѣтило.

„Чась однажды придетъ и для васъ:
Въ буйномъ жизни порывѣ
Вы увидите кустъ огневой,
Какъ я тамъ на Хоривѣ.

„Станетъ свято, какъ въ храмѣ, у васъ
Въ тотъ моментъ незабвенный,
И услышите вы изъ огня
Голосъ силы блаженной:

„Сними обувь будничныхъ заботъ,
Подойди сюда смѣло,
Я намѣренъ тебя отрядить
На великое дѣло“.

„Не гасите жъ святого огня,
Чтобъ, услыша зовъ новый,
Вы могли съ чистымъ сердцемъ сказать:
„Я стою ужъ на подвигъ готовый!“

Толковала еще дѣтвора
Долго смыслъ Моисеевой рѣчи,
Когда самъ онъ неслышно ушолъ,
Тьмѣ и ночи навстрѣчу.

Долго кутала дѣтокъ печаль
Молчаливою мглою,
Пока вовсе его силуэтъ
Не слился съ темнотою.

XII.

„Одиночество возлѣ меня,
Какъ то море безъ края,
И мой духъ, словно парусъ, воспрялъ,
Вновь его дуновение вбирая.

„О, я очень давно ужъ знакомъ
Съ этимъ стражемъ жестокимъ!
Цѣлый вѣкъ и въ степи и съ людьми
Я ходилъ одинокимъ.

„Какъ планета, блуждая, лечу
Будто в бездну день-ко-дню,
Осязаю я чудомъ еще
Только руку Господню.

„Тихо всюду, замолкли уста,
Запечатано слово,
Только ты еще въ сердцѣ моемъ
Говоришь, Іегова.

„Лишь тебя мое сердце зоветъ
Все въ тоскливомъ порывѣ...
Отзовись на мой зовъ еще разъ,
Какъ тогда на Хоривѣ!

„Вотъ я путь довершилъ, что тогда
Указалъ ты мнѣ, отче,
И опять предъ тобою стою
Я одинъ во тьмѣ ночи.

UN
AT

„Сорокъ лѣтъ я трудился, училъ,
Не считаясь съ собою,
Изъ рабовъ чтобы сдѣлать народъ,
Стать достойный всегда предъ тобою.

„Сорокъ лѣтъ какъ кузнецъ я коваль
Ихъ сердца, совѣсть, душу,
И теперь вотъ — ушолъ, будто я
Ихъ камней, смѣха трушу.

„Теперь всѣмъ бы направить какъ разъ
Въ край обѣщанный ноги!...
Ты всевѣдущъ... Ты зналъ напередъ
Про такіе итоги?

„И встаетъ дума въ сердцѣ моемъ:
Можетъ, я въ томъ всемъ виненъ?
Можетъ быть, я заветовъ твоихъ
Не соблюлъ такъ, какъ былъ бы повиненъ?

„Иегова, я слезно просилъ:
„Слабъ я, косноязычный!
Дай другому твой страшный сей даръ,
Слова даръ необычный!“

„Вотъ сомнѣніе въ душу мою
Впилося злою змѣею...
О Всесильный, откликнись, дай знать,
Ты доволенъ ли мною?“

Такъ идя все просилъ Моисей,
Думы Господа звали, —
Но молчала пустыня въ отвѣтъ,
Тихо звѣзды мерцали.

XIII.

Вдругъ послышался сдержанный смѣхъ
Возлѣ самого уха,
Словно кто-то тамъ рядомъ съ нимъ шолъ
Незамѣтно для слуха.

И раздалися тихо слова,
Какъ шипѣнье гадюки:
„Безразсудства цвѣты все плодятъ
Шипы только да муки.

„А какъ только тотъ плодъ человѣкъ
Самъ нести ужъ не можетъ,—
Свое бремя тотчасъ же всегда
Онъ на Бога возложить“.

Моисей.

„Кто-то здѣсь говорить! Не внутри ль
Меня горе шальное?
Иль то, можетъ быть, демонъ какой,
Смѣясь, шепчетъ мнѣ злое?“

Голосъ.

„Лишь теперь усомнился въ своемъ
Реформаторскомъ дѣлѣ?
Сорокъ лѣтъ былъ увѣренъ и вель,
Хотя слѣпо, но смѣло!“

Моисей.

„Кто-то тутъ говорить! И мой лобъ
Сталъ весь мокрымъ отъ пота...
Страшно? Нѣтъ! Но вѣдь сердце мое
Какъ огнемъ жжетъ забота“.

UNI
AT I

Голосъ.

„Въ крайней гордости свой ты народъ
Увелъ съ прежней дороги,
Чтобы сдѣлать, какимъ захотѣлъ,—
Въ страхъ жъ мыслишь о Богѣ?“

Моисей.

„Кто ты, дивный? Не вижу тебя;
Самого же себя я не струшу!
Только слышу, какъ взоръ смѣлый твой
Мнѣ вливается въ душу“.

Голосъ.

„Развѣ важно, кто я? Кто сумѣлъ
Приказать даже морю,
Тому важно, не кто я, а что
Говорю и за правду ли спорю!“

Моисей.

„Нѣтъ, не правда, не гордость моя
Мнѣ внушила то дѣло,
Вѣдь при видѣ народа въ ярмѣ
Мое сердце болѣло“.

Голосъ.

„Себя чувствовалъ братомъ раба,
И стыдомъ то палило,
Захотѣлъ его сдѣлать такимъ,
Чтобъ тебѣ было мило“.

Моисей.

„Да, хотѣлъ ихъ поднять изъ низинъ
Мрака, страха безъ вѣсти,

Вверхъ къ себѣ, до прекрасныхъ высотъ
И свободы и чести“.

Голосъ.

„Но творца, что послалъ ихъ туда,
Не спросилъ ты въ ту пору.
Лишь теперь, какъ упалъ ты, найти
Въ немъ желаешь опору“.

Моисей.

„Нѣтъ, вѣдь къ дѣлу толкнуло меня
Его божье велѣнье,
Въ тьму души тотъ хоривскій огонь
Мнѣ принесъ просвѣтлѣнье“.

Голосъ.

„Эй, а можетъ хоривскій огонь
Не горѣлъ на Хоривѣ,
А горѣлъ только въ сердцѣ твоёмъ,
Въ его буйномъ порывѣ? “

„Можетъ голосъ, что вывелъ тебя
Въ походъ этотъ несчастный,
Вовсе не былъ съ горящихъ кустовъ,
А твой внутренній властный? “

„Вѣдь же страсть ослѣпляетъ всѣмъ взоръ,
А желанія наши
Плодятъ глазу и свѣтъ и боговъ,
Какъ въ пустынѣ миражи. “

„То желаніе, что какъ шакаль
Было въ сердцѣ глубоко,
Лишь оно тебя сдѣлало тамъ
Ихъ вождемъ и пророкомъ“.

UNI
AT

Моисей.

„Во сто разъ одиноче я сталь
Послѣ словъ твоихъ нынѣ.
Кто ты, кто, врагъ мой?“

Голосъ.

„Я — Азazelъ,
Темный демонъ пустыни“.

XIV.

Ночь. Темно. Только звѣзды вверху
Трепетали въ просторѣ.
При ихъ блескѣ шолъ вверху Моисей,
Одинокій и въ горѣ.

Безъ дорогъ. Среди тьмы той вели
Его странные звуки:
То какъ плачь вой гѣны въ яру,
То вдругъ шелестъ гадюки.

Онъ безъ устали шолъ, какъ герой
Шолъ къ послѣднему бою,
И тяжодую въ сердцѣ борьбу
Велъ съ самимъ же собою.

„То желанье—кричало въ немъ все—
Лишь стыда плодъ и боли;
Такъ оно-то тотъ кустъ, что велѣлъ
Вестъ народъ мой на волю?...”

„То желанье и было огнемъ,
Тою именно силой,
Что мнѣ тамъ Іеговы наказъ,
Самого Іегову внушила?“

„То желаніе—братьямъ помочь,
Утереть имъ ихъ слезы,
Это—грѣхъ, за который мнѣ тутъ
Смерть изгнанника грозитъ?

„Нѣтъ, не то! Берегись, не криви
Ты своею душою!
То желаніе свято. Но грѣхъ
Не заползъ ли змѣею?

„Развѣ не былъ ты всѣхъ ихъ вождемъ,
Царемъ душъ ихъ и тѣла?
Развѣ власть та желаній святыхъ
Въ твоёмъ сердцѣ не съѣла?

„Фараономъ ты худшимъ для нихъ
Развѣ не оказался?
Душъ и совѣсти ихъ вѣдь своимъ
Ты контролемъ касался.

„Да, опасно итти вопрекоръ
Дѣлать природныхъ теченью;
Такъ легко свой капризъ навязать
Иеговы велѣнью.

„Что, какъ ты сорокъ лѣтъ этихъ былъ
Богоманіей боленъ,
Вмѣсто божьяго имъ навязалъ
Планъ лишь собственной воли?

„И что, если въ Египтѣ они,
Размножаясь средь муки,
Могли вырасти въ силу, забрать
Всю страну въ свои руки?

UN
AT

„Оторвавши отъ почвы ихъ тамъ,
Ты завелъ ихъ въ пустыню...
Не подумаль: а, можетъ быть, тѣмъ
Я творю преступленіе нынѣ?

„Ибо что—безземельной толпѣ
Обѣщать гдѣ свободу?
Это, какъ изъ земли вырвать дубъ
И пустить его въ воду.

„И не правъ ли Датанъ, говоря:
Гнѣзда старія мы опустили,
Ну, а новыхъ добыть нѣтъ у насъ
Ни охоты, ни силы?

„Иегова! Откликнись, скажи:
Покорялся ли я твоей волѣ,
Иль игрушкою былъ своего
Ослабленья и боди?

„Иегова, отвѣть! Иль и ты
Получаешь даръ слова
Только въ страсти у насъ, да во снахъ,
Во възгравшейся крови?“

Иегова молчалъ, и неслись
Лишь зловѣщіе звуки:
Словно плачъ, вой гіены въ яру,
Либо шелестъ гадюки.

XV.

Поднялося и солнце въ степи
Колесомъ вдругъ багровымъ

И лучами-стрѣлами возшло
Надъ небеснымъ покровомъ.

А въ лучахъ этихъ Небо-гора,
Какъ царица въ пурпурѣ,
Выше всѣхъ надъ горами взнесла
Ребра скатовъ понурыхъ.

Въ наивышемъ же мѣстѣ горы,
Выше граней и кантовъ,
Кто-то камнемъ, недвижимъ стоитъ,
Какъ одинъ изъ предвѣчныхъ гигантовъ.

Тамъ высоко надъ смутой земли,
Гдѣ не слышны ужъ звуки,
Онъ стоитъ, прямо къ небу поднявъ
Распростертыя руки.

Въ ясномъ утреннемъ свѣтѣ небесъ,
Освѣщенный съ востока,
Колоссальный его силуэтъ
Въ степи виденъ далеко.

И летятъ изъ еврейскихъ шатровъ
Ужъ тревожные взоры,
Какъ гонцы въ даль, къ гиганту тому
На высокія горы.

„Моисей то!“ — другъ другу уста
Шепчутъ въ страхъ, несмѣло,
Но не высказать имъ, почему
Въ ихъ сердцахъ заболѣло.

Моисей на молитвѣ стоитъ.
Онъ бесѣдуетъ съ Богомъ, —

U7
AT

Колетъ небо молитва его
Словно огненнымъ рогомъ.

Хоть сомкнулися сильно уста
И не слышно ни слова,
Все же сердце его говоритъ
И кричитъ къ Іеговѣ.

Поднимается солнце, глядитъ
Высоко надъ землею,
На молитвѣ стоитъ Моисей
Неподвижной скалою.

И полуденный бѣсъ по стени
Ужъ безсиле кругомъ разстилаетъ,
Моисея же словно рука
Чья-то вверхъ подымаетъ.

И клонится внизъ солнце, туда,
Гдѣ горъ Фазга вершины,
И ложится огромная тѣнь
Отъ вершинъ на равнины.

И упала гигантская тѣнь
Моисеева, все удлиняясь,
Внизъ до самыхъ еврейскихъ шатровъ,
Какъ навѣки прощаясь.

А по табору неся испугъ:
„Какъ бы онъ да въ минуту такую
Не проклялъ насъ; проклятье его
Получило бы силу большую!

„Отъ молитвы его вѣдь дрожать
Земли цѣлой основы,

5*

Тають скалы, какъ воскъ ; внемлетъ ей
Вѣчный тронъ Іеговы.

„И какъ онъ проклянетъ насъ теперь,
Въ моментъ солнца захода,
Неминуема гибель въ ту жъ ночь
Всей страны и народа“.

XVI.

Мойсей все боролся, горѣлъ,
Лишь къ одной стремясь цѣли.
Когда жъ ночь наступила въ горахъ,
Паль на землю ; всѣ члены сомѣли.

Зашаталась подъ нимъ вся гора,
Дрогнувъ всѣми камнями,
И безъ чувствъ онъ лежалъ, какъ дитя
Въ колыбели у мамы.

Чья-то пѣсня печально надъ нимъ
Едва слышно звенѣла,
И рука колебала его
Снѣжно-бѣлая робко, несмѣло.

И слышались тихо слова :
„Бѣдный сынъ, мое племя !
Вотъ что сдѣлала жизнь изъ тебя
За короткое время !

„А давно ль я носила тебя
И водила за руку ?
И на то ль я тебя родила,
Чтобъ такую несть муку ?

U
AT

„Сколько складокъ на лбу на твоёмъ !
Какъ увяло все тѣло !
Голова та, что гладила я,
Словно снѣгъ побѣлѣла !

„А давно ль ты рвался отъ меня
Смѣло въ бой со врагомъ !
Вотъ къ чему ты пришолъ ! Сколько ранъ
Теперь въ сердцѣ твоёмъ !

„Бѣдный сынъ мой, мое ты дитя !
Претерпѣлъ ты такъ много !
И сегодня... на солнцѣ, весь день
На вершинѣ отрога !

„А зачѣмъ ? Въ тьму грядущихъ временъ,
Въ забытое бывшее
Ты молитвой проникнуть бы радъ, —
О, дитя ты слѣпое !

„Вотъ я камень съ обрыва столкну,
И пойдетъ онъ катиться
Со скалы на скалу, быстро внизъ
Будетъ прыгать и биться.

„Тутъ оставить кусокъ, тамъ другой,
И летить и грохочеть, —
И кто знаетъ, гдѣ каждый кусокъ
Успокоиться хочетъ ?

„Иегова не знаетъ того !
Хоть молись преклоненно,
А гдѣ долженъ тотъ камень упасть,
Упадетъ непременно.

„Въ немъ самомъ и кормило и власть,
Въ немъ самомъ и та сила,
Что назначила мѣсто ему,
Что его сотворила.

„Іегова твой очень могучъ,
А той силы не сдержитъ,
И одинаго камня горы
На лету не удержитъ.

„Вотъ пылинка, едва видитъ взоръ
Твой ея колебанье,
Іеговъ уже не стереть
Ея существованья.

„И не можетъ онъ ей приказать
Плыть иною дорогой,
Чѣмъ какой ее гонить вѣкъ
Воля силы той строгой.

„То жъ пылинка! А что же народъ?...
Въ немъ людей вѣдь безъ счета,
И въ движеніе массъ всякъ изъ нихъ
Своего часть привноситъ полета!

„Слышалъ про Оріона ты пѣснь,
Про гиганта слѣпого,
Что, чтобъ зрѣнье вернуть, сталъ искать
Силы солнца святого?

„На плечахъ онъ вожатаго несь,
Малыша-скомороха,
Что указывалъ путь ему все, —
Но указывалъ плохо!

U7
AT

„Веди къ солнцу меня, паренекъ!“
Тотъ съ утра вель къ восходу,
На югъ въ полдень, а вечеромъ вновь
Правиль къ солнца заходу.

„Оріонъ все идетъ да идетъ
Полонъ въ солнце то вѣры,
Полонъ жажды прозрѣть, увидеть
Міръ прекрасный безъ мѣры.

„Черезъ горы и море впередъ
Постоянно плетется,
И не знаетъ, что тотъ мальчуганъ
На плечахъ лишь смѣется.

„Оріонъ — челоуѣчество все ;
Полно силы и вѣры,
Оно въ страшномъ усилии спѣшить
Всегда къ цѣли далекой безъ мѣры.

„Необъятное любить оно,
Неизвѣстнаго хочетъ,
Фантастичнаго чтобы достичь,
Все родное, знакомое топчетъ.

„Строить планъ не подъ силу себѣ,
Цѣль всегда выше актовъ,
И смѣется надъ планомъ его
Мальчикъ — логика фактовъ.

„И какъ тотъ старый странный слѣпецъ,
Что чужимъ глазамъ вѣрить,
Не приходитъ туда, куда шло,
Все не можетъ попасть, куда мѣрить.

..А ты молишься! Ахъ ты, дитя!
Гдѣ твой разумъ, гдѣ сила?
Просишь пѣну ты, чтобы она
Рѣку остановила!“

XVII.

Что-то было сперва въ тѣхъ словахъ,
Какъ водъ чистыхъ движенъе,
Вѣялъ свѣжестью, лаской отъ нихъ
Милый духъ пробужденья.

Но вотъ, будто самумъ пролетѣлъ
По степи перекатамъ;
Стало страшно, какъ ночью средъ тьмы
И безъ свѣта ребятамъ.

Вздрогнулъ вдругъ Моисей. II, съ земли
Приподнявшись насилу,
Онъ сказалъ: „Зачѣмъ мучишь меня,
Пока лягу въ могилу?“

„Ты не мать мнѣ! И голосъ твой злой...
Для любви вовсе нѣтъ онъ!
Ты не мать мнѣ! О, ты Азazelъ,
Ты — отчаянны демонъ.

„Отойди! Заклинаю тебя
Словомъ четырехчѣртнымъ!
Я не вѣрю тебѣ! Ты злой лжець,
Будь ты хоть и безсмертнымъ“.

U
AT

И слышалось тихо въ отвѣтъ :

„Неразумный сынъ милый !
Заклинаешь меня ты вотъ Имъ,
Я же — часть Его силы.

„Что проклятья?! Въ отчаяньи бѣ палъ
Ты убить, умирая,
Если бѣ сотую часть хотя зналъ
Изъ того, что я знаю.

„Чтобъ на мигъ хоть слѣпая душа
Твоя свѣтомъ прозрѣла,
Въ какомъ я съ Нимъ живу — внѣ времени
И пространства предѣла, —

„Вотъ раздвину немного тебѣ
Близорукости раму:
Видишь край тотъ, что Онъ обѣщалъ
Ужъ давно Аврааму!“

Заблестѣлъ цѣлый западъ огнемъ.
Вся какъ есть Палестина
Моисею открылась внизу
Вдругъ широкой картиной.

А незримый товарищъ его
Какъ бы тономъ укора :
„Видишь черное зеркало тамъ?
Это Мертвое море.

„Съ этой вотъ стороны высокó
Вверхъ шпили и обвалы
Простираются круто грядой, —
То все Кармеля скалы.

„Дальше къ сѣверу горы Сіонъ —
Бродятъ тамъ евусеи.
Если жъ крикнуть погромче съ горы,
Слышать то амореи.

„Серебра полоса — Іорданъ
Въ то же море впадаетъ;
Воздѣ устья тамъ Іерихонъ
Переходъ охраняетъ.

„Одинока долина надъ нимъ,
Вдоль нея, какъ термиты,
Хананеи по тотъ бокъ рѣки,
По сей бокъ аманиты.

„Вотъ на зададѣ горы, верхи,
Травы склоновъ ширѣко,
А на сѣверѣ лежитъ озерцо
И вновь горы высоко.

„Вотъ тебѣ край ячмѣня, овецъ,
Вотъ тебѣ Палестина!
Отъ Кадеса до Кармеля вся
На ладони легла бы картина.

„Нѣтъ дорогъ въ ней широкихъ нигдѣ
Нѣтъ и къ морю проходу!
Гдѣ жъ здѣсь жить, развиваться, расти,
Размножаться народу?“

Возразилъ мрачно тутъ Моисей:
„Кто изъ камня далъ воду,
Въ рай весь край обратитъ, своему
Предоставивъ народу“.

UN
AT

XVIII.

Вновь слышался сдержанный смѣхъ.
„Вѣра двигаетъ горы!
Но взгляни на рядъ новыхъ картинъ:
Вотъ грядущее горе!

„Видишь движется племя твое,
Иорданъ переходитъ,
Беретъ Иерихонъ и вездѣ
Въ рѣкахъ крови тамъ бродить.

„И вѣками идетъ все борьба
За кусокъ Палестины:
Амореи, евреи, Хетта,
Амаликъ, филистины.

„Вотъ еврейское царство! Что слезъ
Будетъ стоять и крови!
Ну, а вѣсь его въ судьбахъ земли —
Словно муха предъ тушей воловьей.

„Не успѣетъ оно и расцвѣсть,
Разлетится на части,
По частямъ достанется врагамъ,
Не минуетъ ихъ пасти.

„Отъ Дамаска, Галада летятъ
Словно отзвуки грома!
Это Ассуръ евреямъ несетъ
Смерть и муки разгрома.

„Посмотри вотъ, краснѣютъ поля,
Трупъ на трупъ повсюду.

Это всталъ Вавилонъ, чтобъ совсѣмъ
Уничтожить Іуду.

„И ковчегъ Іеговы въ огнѣ...
А толпами по полю
Гонять тысячи скованныхъ въ кругъ,
Недобитыхъ въ неволю.

„Слышишь плачь? На руинахъ, одинъ,
Горько плачетъ разумный,
Убѣждавшій ихъ сдаться врагамъ
И безъ битвы безумной.*)

„Запустѣнье царить! Впрочемъ вотъ
Послѣ ночи свѣтаетъ...
Изъ толпъ, бывшихъ въ плѣну, посмотри,
Домой горсть выступаетъ!

„Что-то малое движется тамъ
У ограды Салима:
Новый людъ, новый Богъ, новый храмъ,
Сила новая съ ними незримо.

„И растеть оно, бьется въ бѣдѣ,
Прицѣпившись къ грунту,
Какъ ползучій и цѣпкій волчець,
Въ мигъ готовое къ бунту.

„И шумятъ надъ народомъ твоимъ
Ужъ всемірныя бури.
Встаютъ царства и падаютъ вновь
Будто тучи въ лазури.

*) Пророкъ Іеремія.

UP
AT

„И въ своемъ уголкѣ онъ таитъ
Непрестанно отвагу,
Ко всѣмъ ненависть чувствуетъ въ груди,
Пьетъ проклятiя влагу.

„Эта ненависть хуже всего.
„Ради чуждаго Бога“
Тамъ гнѣздится она, у того
Храмового порога.

„Она ненависть рѣдитъ. Смотри,
Вотъ тирана приказомъ
Гонятъ силы, чтобъ племя твое
Вырвать съ корнемъ ужъ разомъ.

„Слышишь стукъ? Онъ отъ кованныхъ ногъ
Страшныхъ тѣхъ легионовъ,
Что потопчутъ евреевъ поля,
Съѣдятъ скотъ изъ загоновъ.

„Слышишь плескъ? Это вражьи мечи
Кровь твоихъ проливаютъ.
Слышишь крикъ? То еврейскихъ дѣвицъ
Дико кони терзаютъ.

„Тамъ голодная мать жадно ѣстъ
Тѣло милаго плѣда.
А тамъ тысячи мрутъ на крестахъ —
Лучшій цвѣтъ то народа.

„Опять храмъ Іеговы горитъ
И, сгорѣвъ, не возстанетъ :
Вѣдь что эта рука разоритъ,
То ужъ больше не встанетъ.

„Недобитыхъ же толпы плывутъ
Вновь въ неволю, какъ рѣки, —
И отечества нѣтъ ужъ у нихъ,
И не будетъ вовѣки.

„И Израиля гаснетъ звѣзда,
Снова не возсіяетъ;
Въ храмѣ взросшая ненависть лишь
Бѣлымъ свѣтомъ гуляетъ.

„Сомнѣваешься? Точно ли такъ?
О, ты вѣришь, я знаю!
Это — рай, что ждетъ племя твое
Тамъ, въ обѣщанномъ краѣ!

„Для него ты трудился! Скажи,
Есть за что тутъ трудиться?
Чтобъ приблизился онъ, ты опять,
Можетъ, хочешь молиться?“

И поникъ головой Моисей.
„Увы горькой недолѣ!
О, неужто весь вѣкъ мой народъ
Будетъ гибнуть въ неволѣ?“

И упалъ онъ на землю лицомъ:
„Обманулъ Іегова!“
И слышался демонскій смѣхъ —
Эхо горькаго слова.

XIX.

Грянулъ громъ. Задрожали вокругъ
Горъ высокихъ основы:

UN
AT

И одинъ за другимъ понеслись
Предвозвѣстники всѣ Іеговы.

Поднялася надъ сводомъ небесъ
Туча черной стѣною,
И ночь-мать исказила свой ликъ
Дикой злобой, грозою.

Засверкала огнями во тьмѣ
И, гремя неустанно,
Заворчала, какъ мать, что на дочь
Зло ворчитъ постоянно.

И съ тревогой внималъ Моисей
Молній грозному слову, —
Ждалъ, услышитъ ли сердце его
Самого Іегову.

Надъ горою ударилъ вдругъ громъ.
Сразу дыбомъ сталъ волосъ.
Замираетъ въ груди... но нѣтъ, нѣтъ, —
Все не божій то голосъ.

Межъ скалами завывли вѣтры,
Скалъ колеблуть основы,
Давять душу какъ стонъ, но и въ нихъ
Не слышать Іеговы.

Съ градомъ смѣшанный дождь зашумѣлъ.
Воцарилася стужа.
И въ безсиліе впала совсѣмъ
Душа стараго мужа.

Но вотъ стихло; лишь воды журчатъ,
Словно плача въ печали.

Вѣтеркомъ принесло ароматъ
Теребинтъ и миндалей.

Вѣтерокъ тотъ повѣялъ тепломъ,
Тайной силою слова,
И почувалъ тогда Моисей:
Говорить Іегова.

„Обманулъ Іегова? А ты
Въ договорѣ со мною?
И контрактъ подписалъ и записалъ
Могарычъ предъ толпою?

„Видѣлъ планы мои и читалъ
Въ судебъ книгѣ до слова?
Конецъ видѣлъ и знаешь, что я
Не сдержалъ таки слова?

„Маловѣръ! Ты вѣдь не былъ зачатъ
Въ материнской утробѣ,
А я каждый и вздохъ твой учолъ
И бѣненіе сердца въ ознобѣ...

„Авраамъ былъ еще въ землѣ Уръ,
Не въ Гарранской равнинѣ,
А я зналъ всѣхъ потомковъ его,
Какъ песчинки въ пустынѣ.

„Бѣдень край вашъ, онъ тѣсенъ, убогъ,
И богатствомъ-то онъ не сверкаетъ?
А забылъ, что узка и тѣсна
Колыбель величайшихъ бываетъ?

„Изъ него послѣ выведу васъ;
Трудъ великій васъ всѣхъ ожидаетъ,

Но и мать вѣдь ребенка въ свой часть
Отъ груди отнимаетъ.

„Здѣсь на полѣ скупомъ вы, какъ тернѣ,
Кормясь почвою дикой,
Выростайте, готовьтесь смѣлѣй
Къ переменѣ великой.

„За все цѣпко хватаетесь вы ;
Ненасытные сами,
Вы бы по плодоносной землѣ
Расползлися волчцами.

„Вы бы тѣломъ и духомъ своимъ
Въ корку хлѣба всосались, —
Излюбилъ бы Маммонъ васъ силкомъ,
Какъ бы вы ни метались.

„Вѣдь в Египтѣ вы, гнувшись въ ярмѣ,
Наѣдались вкусно...
Отрыгаться вамъ будетъ всегда
Послѣ пищи той гнусной.

„И сорвавшись съ этой земли,
Побѣждая преграды,
Вы развѣтаетесь свѣтъ добывать,
Его соки и клады.

„Но жестокий зарокъ положу
На всѣ ваши побѣды.
Какъ змѣя, будутъ клады стеречь
Всевозможныя бѣды.

„Кто добывши всѣ клады земли,
Ихъ безумно полюбитъ,

Тоть и самъ превратится въ раба,
Клады духа погубить.

„Своихъ кладовъ невольникъ и царь,
Слезъ цѣною и крови
Умножая ихъ, будетъ онъ самъ
Подрывать ихъ основы.

„Кровь чужую вѣдь пьавка сосеть, —
Излѣчивъ, сама гинеть;
Такъ и васъ золотой океанъ
На мели всѣхъ покинетъ.

„Въ золотомъ океанѣ васъ всѣхъ
Изнувать будетъ жажда,
И не сможетъ васъ хлѣбъ золотой
Накормить и однажды.

„Какъ свидѣтель послужите мнѣ
Съ края свѣта до краю,
Что лишь духа кормильцевъ себѣ
Я вездѣ избираю.

„Кто васъ хлѣбомъ накормить, тотъ самъ
Обратится въ горсть гною;
Кто въ васъ духъ мой насытитъ когда,
Тоть сольется со мною.

„Вотъ гдѣ вашъ обѣтованный край,
Безграничный, блестящій!
И въ него-то вожатымъ моимъ
Былъ всегда ты, незрящій!

„Вотъ отечества вашего край —
Полна блеска картина!

UI
AT

Небольшой лишь задатокъ ея
Эта вамъ Палестина.

„И васъ память о ней лишь, какъ сонъ,
Манить будетъ тоскою,
Чтобъ, искавши ея, мой народъ
Овладесть всей землею.

„А разъ ты усомнился на мигъ
Въ исполненіи вѣсти, —
Увидавъ обѣтованный край,
Здѣсь умрешь ты на мѣстѣ.

„Да послужить же участь твоя
Назиданіемъ строгимъ
Всѣмъ, кто къ цѣли стремится весь вѣкъ,
Умирая въ дорогѣ!“

XX.

Печаль ходить по голой горѣ,
Какъ туманъ по пустынѣ;
Сѣть думы-желанья свои
По широкой равнинѣ.

Разсыпаетъ цвѣты и листья,
Что давно пожелтѣли;
Поднимаетъ въ душѣ голоса,
Что давно отзвенѣли.

Что вчера безразличнымъ былó,
Нынѣ чтятъ ужъ любовно;
Что вчера каждый гналъ, оплевавъ,
Теперь святости полно.

6*

Для евреевъ въ ихъ таборѣ ночь
Миновала въ тревогѣ;
Скоро свѣтъ, всѣ глядятъ : тамъ ли онъ
На скалистомъ отрогѣ?

Нѣту, нѣтъ! И было это „нѣтъ“,
Какъ страхъ смерти холодный.
То исчезло для всѣхъ, безъ чего
Всякъ — колодезь безводный.

То незримое, что издавна
Между ними горѣло,
Придавало всей жизни ихъ смыслъ,
Просвѣтляло и грѣло.

На заглохшую совѣсть легла
Скорбь безмежною тѣнью, —
И весь таборъ, какъ чудомъ, она
Привела въ отупѣнье.

И тревожно со страхомъ глядятъ
Они въ лица другъ другу,
Будто, сына убивши во снѣ,
Вдругъ проснулись съ испугу.

Слышенъ топотъ. Не вихрь ли въ степи?
Иль пророчество сбылось?
То Егошуа, князь конюховъ.
Молодежь къ нему сбилась.

Стада гонять, куда-то спѣшать...
Иль враговъ нападенье?
Безотчотный ихъ гонить всѣхъ страхъ,
Дивный перстъ Провидѣнья,

Одиночества ужасъ, тоска,
Голодъ духа святого...

А Егюшуа зычно кричить :

„Эй, въ походъ ! И къ оружію снова !“

И взвился этотъ крикъ, какъ орелъ,

Надъ нѣмою толпою,

Покатился онъ эхомъ до горъ :

„Эй, въ походъ, братья, къ бою !“

Еще мигъ — и очнутся они

Отъ молчанья тупого,

И никто не пойметъ, что виной

Ихъ подъема такого.

Еще мигъ — и Егюшуа крикъ

Устъ сто тысячъ повторить ;

Изъ номадовъ лѣнивыхъ тотъ мигъ

Вдругъ героевъ сотворить.

Загремятъ — и пустыни песокъ

Какъ болото размѣсятъ,

Авилона камнями побьютъ,

А Датана повѣсятъ.

Черезъ горы орломъ полетятъ,

Иорданъ весь раскрѣпятъ,

Стѣны Іерихона какъ ледъ

Звукомъ трубнымъ растопятъ.

И пойдутъ трепеща въ даль вѣковъ —

Въ томъ удѣлѣ всѣхъ ихъ строгій —

Прологать на ходу духу путь,

Умирая в дорогѣ.

Львовъ, январь—іюль 1905.